

ВИКТОР РОЗОВ

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Драма в двух действиях, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БОРОЗДИН *врач, 57 лет.*
ВАРВАРА КАПИТОНОВАНА *его мать.*
БОРИС *его сын, 25 лет.*
ИРИНА *его дочь, 27 лет.*
МАРК *его племянник, 27 лет.*
ВЕРОНИКА БОГДАНОВА *18 лет.*
АННА МИХАЙЛОВНА КОВАЛЕВА *преподавательница истории, 52 лет.*
ВЛАДИМИР *ее сын, 21 года.*
СТЕПАН *товарищ Бориса, 24 лет.*
АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗЬМИН *сослуживец Бориса, 29 лет.*
ДАША, 17 лет } *сослуживцы*
ЛЮБА, 16 лет } *Бориса.*
АННА НИКОЛАЕВНА МОНАСТЫРСКАЯ, 33 лет.
ВАРЯ *работница мыловаренного завода, 20 лет.*
НЮРА *хлебозерка.*
МИША *студент.*
ТАНЕЧКА *студентка.*
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ *администратор филармонии, 48 лет.*
АНОСОВА *соседка Бороздиных.*
ВАСИЛИЙ } *ее*
КОНСТАНТИН } *сыновья.*
ЗАЙЦЕВ *старшина.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Вероники. В е р о н и к а сидит на диване, поджав ноги. Радио передает сводку Совинформбюро: «...на Минском направлении...» Вероника подходит к репродуктору и с силой ударяет по нему. Радио замолкает. Входит Б о р и с.

В е р о н и к а. Смотри на часы!

Б о р и с. Противовоздушные щели рыли на заводе, во дворе.

В е р о н и к а. Это меня не касается. Разлюбил ты меня, вот что.

Б о р и с. Глупая.

В е р о н и к а. Какие новости?

Б о р и с. Никаких.

В е р о н и к а. Это хорошо. Сейчас боюсь новостей. Ну, что ты мне подаришь завтра?

Б о р и с. Это секрет.

В е р о н и к а. Не скажешь?

Б о р и с. Ни за что!

В е р о н и к а. Можешь не говорить. Но если что-нибудь вкусное – я скоро съем и забуду.

Ты подари, чтобы было на долгую-долгую память. Чтобы до старости. Мы будем дедушка и бабушка – посмотрим на эту вещь и скажем: это подарено, когда Белке исполнилось восемнадцать лет. Доживу до ста лет, и у меня будет сто твоих подарков.

Б о р и с. Восемьдесят два!

В е р о н и к а. Обсчиталась.

Борис подходит к репродуктору, хочет его включить.

Не надо! На фронте дела идут не так, как передают по радио.

Б о р и с. С чего ты взяла?

В е р о н и к а. Говорят.

Б о р и с. Бабы в очередях.

В е р о н и к а. Ну, если я баба – пожалуйста.

Б о р и с. Вероника!

В е р о н и к а. Включай, включай!

Б о р и с. Мешать не будешь?

В е р о н и к а. Нет-нет. Хочешь, даже глаза закрою?

Б о р и с. Сиди и закрой глаза.

В е р о н и к а. А разговаривать можно?

Б о р и с. Можно.

В е р о н и к а. Я тебе стихи почитаю.

Б о р и с. Валяй.

В е р о н и к а.

«Журавлики-кораблики

Летят под небесами.

И серые, и белые,

И с длинными носами.

Лягушечки-квакушечки

По берегу гуляли.

Все прыгали, да шмыгали,

Да мошек собирали.

Журавлики-кораблики

Лягушек увидели,
Спустились, садились
И тыщи и пожрали.

Лягушечки-квакушечки,
Что ж вверх е поглядели?
Все прыгали да шмыгали –
За это вас и съели».
Нравится?

Б о р и с. Очень содержательно!

В е р о н и к а. Это, кажется, первое стихотворение, которое я выучила, когда была маленькая.

Б о р и с. И последнее.

В е р о н и к а. Ты у меня дождешься.

*Борису удалось наконец наладить радио. По радио – сводка Совинформбюро.
Голос Левитана.*

В е р о н и к а. Ты меня разлюбил, Борис.

Б о р и с. Глупая.

В е р о н и к а. Да-да. И глаза у тебя стали какие-то отсутствующие. Ну, что ты на меня так смотришь?

Б о р и с. Разглядываю.

В е р о н и к а. А я знаю, почему ты такой встревоженный.

Б о р и с. Интересно...

В е р о н и к а. Боишься, что тебя возьмут в армию. Да-да, заберут – и готово! Все боятся.

Б о р и с. Не все.

В е р о н и к а. Ты отчаянный, возьмешь и сам пойдешь?

Б о р и с. А что? Возьму и пойду.

В е р о н и к а. Хитрый, хитрый!.. Знаешь, Борька, это даже нехорошо. Отлично знаешь, что тебе дадут броню, вот и хорохоришься.

Б о р и с. Почему ты так решила?

В е р о н и к а. Знаю, всех умных забронировать.

Б о р и с. Значит, по-твоему, одни дураки воевать будут?

В е р о н и к а. Больше я с тобой не разговариваю.

Б о р и с. Если и будет броня, то одна на двоих. Или я, или Кузьмин.

В е р о н и к а. С кем ты себя равняешь?

Б о р и с. Практику он знает во сто раз лучше меня.

В е р о н и к а. Хватит, хватит!.. Пусть твой Кузьмин знает все на свете... А что к Первому мая премию получил? Ты или Кузьмин? Кому недавно благодарность вынесли? Тебе или Кузьмину? Ты работаешь на заводе государственного значения – ну и все! Конечно, Борька, я сама с ума схожу – вдруг тебя действительно возьмут? Нет, нет, все будет хорошо. Вот увидишь. Примут меня осенью в институт или нет?

Б о р и с. Вероника, это серьезнейший разговор. Я хотел с тобой поговорить...

В е р о н и к а. А я не желаю. И не смей меня называть «Вероника». Слышишь? Кто я?

Борис молчит.

Ну, кто я?

Б о р и с. Белка, Белка...

В е р о н и к а. А мне нравится затемнение: из окон, что напротив, всегда видно, что в комнате делается, а теперь... Поцелуй меня.

Борис целует.

Хорошо!.. И не видно.

Стук в дверь

Войдите, войдите!

Входит С т е п а н.

С т е п а н. Богдановы здесь живут?

Б о р и с. Степан!

В е р о н и к а. Я Богданова.

С т е п а н (Борису). А... та самая?

Б о р и с. Она.

С т е п а н (здороваясь с Вероникой). Степан. (Борису. Говорит все под запал, придыхая.)
Получил повестку... Сейчас. Побежал к тебе... тоже лежит. Твои волнуются...
Сказали, что здесь... Я побежал...

Б о р и с. На какое число?

С т е п а н. Чудаки, понимаешь, понимаешь, на сегодня, с вещами. Забеги в контору,
возьми расчет... Я в бухгалтерии сказал... подождут... А то – доверенность оставь...

Б о р и с. Сегодня?

С т е п а н. В двадцать два часа. Глоточек выпью, все бегом... (Подходит к графину,
пьет.)

В е р о н и к а. Что это?

Б о р и с. Видишь, Вероника, я думал, еще несколько дней пробуду здесь, а теперь...
Пришла повестка в армию.

В е р о н и к а. Тебе?

С т е п а н. И мне тоже. Мы оба, добровольцами...

В е р о н и к а (Борису). Ты уезжаешь. Сам? А я? Как же я?

С т е п а н. Наклеывается разговорчик – я побежал. Не плачьте, девушка, ваш Борис –
золото! Эх, у меня дома тоже!.. Ну что ты с ними поделаешь? Не горюйте! Всего!
(Убежал.)

Вероника и Борис одни. Вероника смотрит на Бориса непонимающими глазами.

Б о р и с. Так надо... Иначе нельзя было.

В е р о н и к а. Нет-нет... Он же сказал, ты сам, добровольно. Что ты, ведь я люблю тебя!

Б о р и с. Пойми, война уже пришла. Я подал заявление сам, это верно. Я хотел тебе
сказать... Завтра твой день рождения... И вот – надо идти. Как же я мог иначе? Если
я честный, я должен быть там.

В е р о н и к а. Иди воюй, проявляй героизм, может быть, орден получишь. Как же! Славы
хочется! Иди-иди!

Б о р и с. Ничего не случится, я знаю. Пойдем к нам. Ты все поймешь, ты умная...

В е р о н и к а. А что понимать, я все понимаю. Я не дуручка.

Б о р и с. Ты сердишься, что я тебе не сказал?

В е р о н и к а. Иди, дома волнуются.

Б о р и с. А ты?

В е р о н и к а. Я приду. Скоро. Очень скоро. Я хочу побыть одна... Немножко...
несколько минут... Иди-иди... Нет-нет... (Вдруг бросается к Борису на шею). Боря!
Боренька мой! Не уходи!

Б о р и с. Ну что ты, что? Не надо!

В е р о н и к а (отпуская Бориса). Не буду, не буду.

Б о р и с. Идем вместе.

В е р о н и к а. Нет-нет.

Борис подходит к Веронике, хочет ее обнять.

Б о р и с. Не могу так уйти...

В е р о н и к а. Ну... *(Целует Бориса.)* Иди...

Борис не уходит, смотрит на Веронику.

Что ты смотришь?

Б о р и с. Запоминаю тебя.

В е р о н и к а. Какую?

Б о р и с. Такую, какая ты есть. Только не опоздай, Белка! *(Убегает.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в квартире Бороздиных. Видна столовая и часть передней. В а р в а р а Ка п и т о н о в н а укладывает в дорожный мешок вещи. М а р к с упорством разучивает на рояле пассаж.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а *(кричит)*. Ирина!.. Марк, подожди, пожалуйста.

Марк прекращает игру.

Ирина, захвати утюг!

Голос Ирины: «Слышу!»

Время, время летит... И никого. Знает ли он?

М а р к. Степан побежал – скажет.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а. А у Вероники ли он?

М а р к. На работе нет, - значит там.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а. Никому ничего не сказать... Так непохоже на Борю...

М а р к. Очень похоже. Ставить в известность после свершения факта – его манера.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а. Решать одному, не посоветовавшись...

М а р к. Да, довольно странно.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а. Достань, пожалуйста, из его ящика запонки. Те, что в коробочке из-под перьев.

М а р к. Вы еще пару крахмальных воротников не забудьте.

В а р в а р а Ка п и т о н о в н а. Не возражай, пожалуйста. Места займут немного, а ему будет приятно. Вероникин подарок.

М а р к *(достает запонки)*. Вряд ли у него там будет время заниматься лирикой.

*Варвара Капитоновна заворачивает запонки в бумагу, кладет в мешок.
Входит И р и н а. В руках у нее утюг.*

В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*взяв утюг*). Ну что же, в конце концов, отец придет?
И р и н а. Я же звонила! Он на операции. И Бориса все нет.
М а р к. Исчез!
В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*гладит рубашку*). А нельзя ли ему до завтра задержаться?
М а р к. В повестке точно – в двадцать два часа.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Какая-то бумажка – и уносит человека сразу, вдруг.
М а р к. Да, и сопротивляться нельзя.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*показывая на рубашку, Ирине*). Это ты ему подарила, помнишь?
И р и н а. Разве?
В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*Марку*). Позвони Феде еще раз, - может быть, освободился?
М а р к (*набирая номер*). Не знаю, как и сказать...
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Не сразу – ведь будто снег на голову.
М а р к (*в трубку*). Больница?.. Доктор Бороздин освободился?.. Попросите, пожалуйста. (*Ирине*.) Ты сводку читала?
И р и н а. Еще бы!
М а р к. Занятно!
И р и н а. Что?
М а р к. Ведем войну на чужой территории! А?
И р и н а. Ну и что? Что?
М а р к. Ничего, просто никогда не думал, что Минск – это граница. (*В трубку*.) Дядя Федя?.. Дядя Федя, ты можешь сейчас домой приехать?.. Да нет, ничего особенного. Тут Борис трюк выкинул... (*Варваре Капитоновне*.) Он ругается, не знаю, как подойти...
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Дай мне. (*Берет трубку*.) Федя, это я... Да нет, нет, это Марк напрасно сказал. Ничего не случилось. Ты во сколько сегодня кончаешь работу?.. Пожалуйста, не горячись... Повторяю тебе: решительно ничего не случилось. Сидим дома, тихо, славно... Я передаю трубку Ирине.
И р и н а (*взяв трубку*). Папа, Борис через час уезжает в армию... Экстренно?.. Оказывается, он еще двадцать третьего числа подал заявление, сам... Нет, его нет... Ну приезжай, дома и отругаешь. (*Вешает трубку*.)
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Всех на ноги поднял, весь дом.

Входит А н о с о в а.

А н о с о в а. Василия-то моего с Константином, обоих взяли. (*Плачет*.)
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Ну что же делать? Война... Война... (*Провожает Аносову к дверям*.)
А н о с о в а. ...Убьют же их... Ей-богу, убьют... (*Уходит*.)
М а р к. Ему полагалась броня, мы это отлично знали. И Степан говорил... Глупость он какую-то делает, глупость.
И р и н а. Глупо, что не сказал, а остальное все, может быть, очень правильно.
М а р к. Еще ты пойдешь в санитарки запишись.
И р и н а. Надо будет, и пойду.
М а р к. А я считаю: если вышестоящие органы находят нужным оставлять человека здесь, в тылу, значит, именно здесь он наиболее полезен. Винтовку держать каждый умеет.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Время, время летит.
М а р к. придет мне повестка – пойду, не заплачу.
И р и н а. Свинство, если он все еще у Вероники.
М а р к. А ты что думала? Он там будет сидеть до последней минуты – сюда только за вещами забежит. Впрочем, в этих делах ты мало понимаешь.

Входит Борис.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Боренька, Боря!..

И р и н а. Ты что, с ума сошел?

Б о р и с. Вы хотите знать, почему я вам ничего не сказал? Так вот: только затем, чтобы не было этих восклицаний и долгих обсуждений. Все. *(Смотрит не вещи, которые собирает бабушка, на стол, накрытый Ириной, и смущается.)*

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Нехорошо, Боренька.

М а р к. А мы тебя ждали, ждали...

И р и н а. Что с тобой?

М а р к. С Вероникой поругался?

И р и н а. Ты думаешь, мы осуждаем тебя? Да я... я завидую тебе.

М а р к. Ишь ты!

И р и н а. Балда с высшим музыкальным образованием! *(Уходит.)*

М а р к. Строга!

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Сказать надо было, Боря, хотя бы отцу!

Б о р и с *(показывая на вещевой мешок)*. Бабушка, ну куда так много? Нужно только необходимое.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Да все кажется необходимым.

Б о р и с. Главное – полегче. Папе звонили?

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Сейчас приедет

М а р к. Ругался в трубку на чем свет.

Б о р и с *(подавая Марку тетради и чертежи)*. Отнеси завтра на завод. Найдешь Кузьмина Анатолия Александровича – отдай. Или позвони ему.

М а р к. Зачем? Конечно, отнесу. Надо вина купить... Я сбегаю.

Б о р и с. Не обязательно

М а р к. Ну, такой случай...

Б о р и с. Традиционная выпивка на проводах, с горя?

М а р к. Я – красненького, за твои успехи. *(Уходит.)*

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Что у нее?

Б о р и с. Придет... *(Роемся в ящике, откуда Марк достал запонки.)*

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Я их уже положила, Боря. Вас сразу... на фронт?

Б о р и с. Наверно. *(Садится к столу, пишет.)*

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Вот и до нашей семьи дошло. У Аносовых обоих сыновей взяли. В каждой семье волнение, провода, слезы. Сорокины из Москвы уезжают, говорят – опасно. Как ты думаешь, Боря, долетят до Москвы?

Борис пишет.

Наверное, долетят. А может быть, и нет... Что будет, что будет... Столбом поднимется... Я не поеду. Лучше умереть здесь, чем где-то скитаться по чужим углам. Тревожное время...

Борис окончил писать, взял сверток, с которым вошел, развернул его. Там – большая плюшевая белка с пушистым хвостом и ушами. На ней подвешено лукошко с золотыми орехами, перевязанное лентой. Борис развязал ленту, высыпал орехи, положил на дно записку, всыпал орехи обратно, завязал ленту, завернул сверток.

Б о р и с. Бабушка, я к вам с просьбой.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Что, Боренька?

Б о р и с. Завтра утром, если можно – пораньше, отнесите ей.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Что это? Нет-нет, я не спрашиваю. Так что – отдать и?..

Б о р и с. Завтра у нее день рождения. И еще, если ей будет трудно, - мало ли что война, - помогите ей.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. А если я умру?

Б о р и с. Вам умирать не полагается, особенно теперь, когда у вас столько секретов.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. А я вот возьму и умру...

Входит Федор Иванович.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Э-эх! Двадцать пять лет, и быть, извини меня таким дураком! Что мы – дети? Игрушки это? Прятки? Романтизма хочешь? Характер! Где Ирина? Марк?

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Ирина на кухне, кофе готовит, а Марк пошел купить красненького.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Кофе? Красненького? Мельчают люди, мельчают. *(Кричит.)* Ирина!

Входит Ирина.

И р и н а. Наконец-то!

Ф е д о р И в а н о в и ч. У меня в шкафчике, на заветной полочке, неси

Ирина уходит.

А Вероника где?

Б о р и с. Сейчас придет

Ф е д о р И в а н о в и ч. Где она?

Б о р и с. Дома, занята.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Чем это она занята? Нехорошо. Должна быть здесь – жених уезжает.

Б о р и с. Не жених.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А кто?

Б о р и с. Ну, просто так...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что значит «просто так»? «Просто так» - это что-то подозрительное.

Б о р и с. Я не в этом смысле!

Ф е д о р И в а н о в и ч. А в каком?

Б о р и с. Хватит тебе придирааться!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты что – поссорился с ней?

Б о р и с. Нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Смотри! В такие минуты, Борис, только радость, только прямота!

Входит Ирина с пузырьком в руках.

(Ирине.) Разбавь согласно правилам. *(Борису.)* Тогда и там будет о чем вспоминать, будет куда возвращаться. Будет хотеться жить, жить назло всем бомбам и пулеметам! Жить, чтобы вернуться сюда, где твои самые близкие люди, вернуться славно, поднявши нос вверх!

Входит Марк.

М а р к. Купил.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Красненького?

М а р к. Да.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Вот и будешь сам лакать. Мы найдем более содержательную жидкость. Все в сборе? Садитесь.

Все рассаживаются вокруг стола.

И р и н а. Марк, не садись на мое место.

М а р к. Откуплено?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не откуплено, а ты знаешь, я не люблю, чтобы за столом мелькали. Сидели так двадцать лет и еще пятьдесят просидим. *(Борису.)* Ты на это место вот каким сел – от горшка три вершка. Так оно твое и будет, пока свой дом не заведешь. А Ирина когда замуж выйдет – я ее стул на чердак выброшу.

И р и н а. С диссертаций отмучаюсь и выйду.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты бы мои записки посмотрела, я их лет тридцать собирал: выписки, факты, наблюдения. Думал книгу написать, звание получить. Работал, работал, все думал – успеется, а теперь вижу – поздно.

И р и н а. Я уже кончаю их просматривать.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну как?

И р и н а. Заключение – потом.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ого! Того гляди, двойку залепишь.

И р и н а. Посмотрим.

Сборы у стола окончены.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(поднимает рюмку)*. Ну, за твою жизнь, Борис! *(Пьет, садится.)*

Звонок.

М а р к. Вероника! *(Бежит к дверям.)*

Входят Д а ш а и Л ю б а со свертками в руках.

Д а ш а. Здравствуйте!

Л ю б а. Здравствуйте! Борис Федорович, мы к вам от завода...

Д а ш а. Нам поручили передать эти подарки и сказать от имени заводского комитета...

Л ю б а. И комсомольской ячейки...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Держись, мол, товарищ Бороздин, до последней капли крови, бейте проклятых фашистов, а наш завод здесь, в тылу, будет выполнять и перевыполнять... Это мы все знаем, не бойтесь, не подведем. Вы лучше... садитесь и выпейте на дальнюю дорогу моему сыну Борьке...

Д а ш а. А как же подарки?

Ф е д о р И в а н о в и ч. А подарки возьмем. Что там? *(Разворачивает сверток.)* Безопасная бритва, мыльница, почтовая бумага, конверты... все как полагается. *(Разворачивает второй сверток.)* Пирожные. Одни наполеоны.

Л ю б а. Это мы от себя по дороге купили, Борис Федорович, мы видели, всегда в буфете эти пирожные брал.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ешь, Борис, больше – воевать по-наполеоновски будешь! Подарок со смыслом! Мы по первой выпили, так теперь – по второй. *(Наливает.)* Жизнь на земном шаре еще не устроена так складно, кК нам этого хотелось бы, вот ты и уезжаешь. За тебя, Борис! *(Пьет.)*

Д а ш а. Вчера я брата провожала, мама так плакала!

Ф е д о р И в а н о в и ч. А вы?

Д а ш а. И я плакала.

Ф е д о р И в а н о в и ч. От месткома или так, по-домашнему?

Д а ш а *(смеется)*. По-домашнему.

Л ю б а. А у нас провожать некого – три сестры и мама... Даже неудобно, у всех уезжают...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, когда наши вернутся, вы нам позавидуете.

М а р к. В том-то и ужас, что не все вернутся.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А кто не вернется – тем памятник до неба! И каждое имя – золотом. За тебя, Борис! *(Пьет.)*

Звонок.

Не иначе как от дирекции.

Марк бросился открывать.

Б о р и с. Я сам. *(Уходит, возвращается с Кузьминым.)*

К у з ь м и н. Здравствуйте. Простите, пожалуйста, я некстати: проводы сына... Я понимаю... Простите, я даже не отрекомендовался. Кузьмин – товарищ Бориса Федоровича по работе. Борис Федорович, конечно, вы поступили не совсем честно... простите, не совсем правильно. Вы постарались опередить судьбу. Но, разумеется, смешно было бы вас осуждать, особенно мне. Вы отказались от брони, а, вероятно, именно вы получили бы ее. Я остаюсь. *(Всем.)* Конечно, может быть, это нехорошо, но война, фронт... меня, знаете, как-то не манят. Вы знаете, мне даже неприятно, когда мальчишки стреляют из ключа: набьют в обыкновенный ключ от замка спичечных головок, заткнут гвоздем, а потом как ахнут об стенку!.. Чрезвычайно неприятно. Конечно, если и я понадоблюсь... Ну что же, возьму, как говорят, штык в руки... Борис Федорович, простите, на прошлой неделе мы говорили с вами о соединительной трубке к цапфе...

Б о р и с. Да-да, я сделал расчет. Как раз просил брата отнести вам. Вот. *(Подает Кузьмину тетради и чертежи.)* В расчете получилось, за практику не ручаюсь. Проверьте.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Товарищ Кузьмин, присаживайтесь к столу.

К у з ь м и н. Благодарю вас, благодарю, ни под каким видом. Спешу. *(Борису.)* Обещаю вам работать не покладая рук за двоих, за десятерых. Кстати, Люба, хоть вы и молодая лаборантка, но порядок должны знать: ушли и оставили на столе прибор. Могла попасть пыль. За него две тысячи золотом заплачено. Так мы с вами можем не сработаться. *(Всем.)* Я еще раз прошу прощения. Ну, Борис Федорович, до встречи! Разрешите я вас обниму! *(Обнимает и целует Бориса.)* Только, пожалуйста, пусть с вами ничего не случится... а то я буду чувствовать себя совершенно неловко. *(Улыбается.)*

Б о р и с. До свидания, Анатолий Александрович. Ничего не случится. Мы еще поработаем вместе.

К у з ь м и н *(всем)*. Всего доброго. Будь она проклята, эта война! Ну до чего же она некстати! *(Уходит.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, Чапаев из него не получился бы.

М а р к. В душе, наверно, рад, что Борис идет вместо него. Верно, Борька, может быть, ты из-за него?

Б о р и с. Не трус он.

Л ю б а. Просто глубоко штатский.

Б о р и с. Человек опытный, знающий... А мне надо быть там. Понимает – там. Я не хочу говорить...

Ф е д о р И в а н о в и ч. А ты не говори. Умный человек и так поймет. А для дураков язык трепать нечего.

И р и н а. Борька, ты мне родной брат, а я тебя вижу как будто впервые...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Семейные излияния – потом. Что же Вероника не идет?
Б о р и с. Да она сказала – может, и не успеет. Мы попрощались с ней.
Ф е д о р И в а н о в и ч. А я слышал, как ты ее зовешь. Белка! Вы тут, в комнате, шуры-муры, а я ухо к двери, подслушиваю. Вот уж белка так белка! Пусть сюда почаще приходит, попрыгает, а то Ирина не по годам серьезная. Марк... для него весь мир – музыка. А я в этой области профан. Бабушка отпрыгала свой век.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Вчера в домоуправлении рассказывал, как надо тушить зажигательные бомбы, - может быть, мне еще придется попрыгать по крыше.
Б о р и с. Мне пора, папа.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Уже?
Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну что ж, пора так пора.
И р и н а (*подавая Борису маленькую книжку*). Авось будет свободная минута, откроешь – Лермонтов. (*Обнимает и целует брата.*)
М а р к. Ну вот, сказал бы раньше, я бы что-нибудь приготовил.
Б о р и с. Подари свою самописку, если не жалко.
М а р к. Нашел подходящий момент выудить? Бери и пиши чаще. (*Целует Бориса.*)
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Раньше крестик бы я на тебя надела, а теперь не знаю... Разве что пуговицу от платья...
Ф е д о р И в а н о в и ч. Здорово! Срежь с нее пуговицу, самую большую, вон с пояса.

Борис берет нож и срезает пуговицу. Бабушка дает ее и крестит.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Все-таки лучше.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, мне дарить нечего, и так не забудешь – ругал я тебя немало. Провожать не пойду, устал. Дай глаза. (*Целует Борису глаза.*) Вот девушки проводят.
Д а ш а. Конечно.
Л ю б а. Будьте спокойны – мы сегодня восьмого провожаем.
Б о р и с (*Марку*). Ты не ходи
М а р к. Почему?
Б о р и с. Останься с отцом.
М а р к. Понял. До трамвая провожу.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*отведя Бориса в сторону*). Боря, ты по какому адресу сейчас едешь?
Б о р и с. Не нужно, бабушка. Так даже лучше. Вы скажите ей – с дороги напишу. Если сейчас придет – отдайте. (*Кивает на сверток с белкой.*) Там записка.
М а р к. Тронулись?
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Дай в последний раз погляжу.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Мама!

Все выходят, кроме Федора Ивановича и Варвары Капитоновны.

Э-эх! Выпить разве еще маленькую?
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Выпей, Федя.

Федор Иванович хочет выпить, но отстраняет рюмку.

Не пьется одному?

Ф е д о р И в а н о в и ч.. Не пьется. (*Собирается уходить.*)
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Ты куда?
Ф е д о р И в а н о в и ч. На дежурство в больницу.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Ты же в пятницу дежурил!
Ф е д о р И в а н о в и ч. Сменю Федорова – старик устал, а мне ведь все равно не спать!

*Федор Иванович ушел. Варвара Капитоновна убирает со стола.
Со свертком в руках входит Вероника.*

Варвара Капитоновна. Вот и вы, Вероника!..

Вероника. Здравствуйте, Варвара Капитоновна!..

Варвара Капитоновна. Здравствуйте, здравствуйте! Боренька все глаза на двери просмотрел.

Вероника. Ушел?

Варвара Капитоновна. Да.

Вероника. Хотелось что-нибудь купить ему на дорогу... Зашла в магазин, а вышла – не могла улицу перебежать – мобилизованные идут... колонны... Трамваи остановились, машины. Все замерло... Только они идут, идут... Очень много... Куда он ушел?

Варвара Капитоновна. Туда, на сборный пункт!

Вероника. Где это?

Варвара Капитоновна. Не сказал. Наверно, где-нибудь на Красной Пресне. Ирина и девушки провожать пошли.

Вероника. Какие девушки?

Варвара Капитоновна. С завода приходили. От комсомольской организации и от месткома, кажется. Милые такие.

Вероника *(машинально идет за Варварой Капитоновной)*. Скоро как... Мне хотелось купить... а потом – все шли, шли...

Варвара Капитоновна. Федя держался хорошо. Слава богу, обошлось без слез.

Вероника. Без слез...

Варвара Капитоновна. Боря записку вам оставил и вот это. *(Подает Веронике сверток.)*

Вероника. Что это?

Варвара Капитоновна. К завтрашнему дню – у вас рождение... Там и записка...

Вероника *(развернув сверток)*. А где же записка?

Варвара Капитоновна *(осматривает стол)*. Не видно. Видимо, забыл впопыхах, с собой унес.

Вероника. Забыл?

Варвара Капитоновна. Он вам с дороги скоро напишет.

Вероника. До свидания... *(Идет к двери.)*

В это время входит Марк.

Марк. Здравствуйте, Вероника. Что же вы опоздали? Куда вы? Нет-нет, я вас не отпущу. Не уходите, садитесь. У нас в доме вы как родная. Мы вас все любим, честное слово, дядя Федя сейчас об этом говорил. Берите пример с Бориса. Молодец – смеется, острит...

Вероника. Почему острит?

Марк. Нет... просто так, для бодрости. Не надо его судить. Борис не мог сделать по-другому, это был бы не Бори. Тут закономерность времени, комсомол, идеи... Все это понятно... Это же массовый гипноз, как в цирке... Вы сидите... Все засыпают, потом пляшут, поют. А я никогда не поддавался гипнотизерам, даже когда хотел... Расскажите лучше, как ваши дела. Поступаете в институт?

Вероника. В какой институт?

Марк. Пусть война, а мы будем работать. Я над своей сонатой, а вы должны поступить в институт. Должны! Иначе война может убить вас духовно, убить ваш талант. Кстати, вы были на последней выставке в Третьяковке?

Вероника. Серова? Да-да... *(Хочет уйти.)*

М а р к. И вы представляете себе, если бы великий Серов ушел в ту войну на фронт и погиб? Это была бы всемирная историческая глупость. Хотите я вам поиграю? Послушайте. *(Играет на рояле).*

Сквозь музыку врывается шум шагов – за окном идут колонны бойцов. Вероника прислушивается к шагам, медленно идет к окну, приоткрывает штору. Бабушка гасит свет и тоже подходит к окну. Затем подходит Марк. Все трое смотрят в окно.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а *(тихо, в окно).* Возвращайтесь живыми!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Совершенно чужая комната, в которой поселились Бороздины после эвакуации из Москвы. Однако некоторые вещи знакомы нам по второй картине. В комнате В е р о н и к а и А н н а М и х а й л о в н а. Анна Михайловна пьет кофе за маленьким столиком и читает письмо, которое держит в руках. Вероника в своем любимом положении – с ногами на диване.

А н н а М и х а й л о в н а *(отложив письмо).* Хотите кофе, Вероника?

В е р о н и к а. Спасибо, нет. *(Пауза. Бездумно.)* «Журавлики-кораблики летят под небесами...».

А н н а М и х а й л о в н а. Последняя коробка. Хорошо бы где-нибудь достать.

В е р о н и к а. На рынке. У спекулянтов всегда все есть.

А н н а М и х а й л о в н а. Дорого. В Ленинграде я его редко пила, боялась за сердце. А муж любил, особенно вечером, перед работой. Он много работал по вечерам.

В е р о н и к а. Анна Михайловна, вы очень любили своего мужа?

А н н а М и х а й л о в н а. Мы с Кириллом прожили вместе двадцать девять лет, и сказать, что я любила его, - и мало и неверно. Это была часть меня. Он, я и Владимир составляли одно целое, невозможное врозь. А вот, оказывается, на свете все возможно.

В е р о н и к а. Вы сильная женщина, Анна Михайловна!

А н н а М и х а й л о в н а. Это кажется.

Пауза.

В е р о н и к а.

«Журавлики-кораблики

Летят под небесами,

и серые и белые...»

Тьфу, привязались эти глупые стихи!.. Живем в этих комнатах целую вечность, а я все не могу привыкнуть, как будто сосланная.

А н н а М и х а й л о в н а *(снова взяв письмо).* Володя скоро выписывается из госпиталя, а когда – хотя бы сообщил приблизительно. Так и остался легкомысленным. А ему сегодня двадцать один год исполнился.

В е р о н и к а. Сегодня? Поздравляю вас.

А н н а М и х а й л о в н а. Спасибо. Он очень славный мальчик. Я даже фотографии его не имею, решительно ничего не осталось.

В е р о н и к а. А мы захватили много вещей, все благодаря стараниям Марка.

А н н а М и х а й л о в н а. Да, ваш муж очень практичный человек.

В е р о н и к а. А мне ничего не надо. Я бы хотела быть как вы – одна.

А н н а М и х а й л о в н а. Вас любит Федор Иванович, и, мне кажется, не меньше, чем свою родную дочь.

В е р о н и к а. А я не могу любить его.

А н н а М и х а й л о в н а. Он все понимает, Вероника.

В е р о н и к а. Знаю-знаю... Который сейчас может быть час?

А н н а М и х а й л о в н а. Вероятно, седьмой в начале.

В е р о н и к а. Бесконечные дни.

А н н а М и х а й л о в н а. Я не знаю Бориса Федоровича, но, говорят, это был в высшей степени умный и порядочный юноша.

В е р о н и к а. «Был». Пропал без вести – не обязательно умер.

А н н а М и х а й л о в н а. Конечно, конечно. Я просто неправильно выразилась.

В е р о н и к а *(прошла по комнате, подола к окну)*. Март, а такая вьюга.

А н н а М и х а й л о в н а. У нас в Ленинграде март тоже всегда снежный. *(Помолчав.)* Можно вам задать вопрос? Если вы на него не захотите ответить – не надо, я не обижусь.

В е р о н и к а. Да?

А н н а М и х а й л о в н а. Почему вы вышли замуж за Марка Александровича?

Пауза.

В е р о н и к а. Вы пьете без сахара?

А н н а М и х а й л о в н а. Экономлю. Приедет Володя, испеку что-нибудь.

В е р о н и к а. А у меня раньше было много-много вкусного. И сейчас есть. *(Идет к комоду, достает оттуда белку.)* Вот. Целая корзина золотых орехов. *(Задумалась.)* Вам нравится игрушка?

А н н а М и х а й л о в н а. Очень. Вероятно, сделана по заказу. В магазинах я таких не встречала.

В е р о н и к а. Когда-нибудь я заверну ее и уйду, тихонько, одна.

А н н а М и х а й л о в н а. Куда?

В е р о н и к а. Не знаю. На самый край света. *(Очень тихо.)* Я умираю, Анна Михайловна!

А н н а М и х а й л о в н а. Что вы, Вероника!

В е р о н и к а. Я умираю, Анна Михайловна... Поступила здесь учиться – не могла, ушла. Работала на заводе только две недели – тоже ушла. Все рассыпается.

А н н а М и х а й л о в н а. Это война, Вероника.

В е р о н и к а. Да, трудно учиться, работать, жить... Нет-нет. Вы, Ирина, Федор Иванович, Марк – все волнуются, работают, живут. А я... я все потеряла.

А н н а М и х а й л о в н а. У вас осталась жизнь, Вероника. Она вся впереди – долгая, неизвестная.

В е р о н и к а. А зачем жить? Вот вы преподаете историю, вы умная, скажите – в чем смысл жизни?

А н н а М и х а й л о в н а *(помолчав)*. Может быть, в том, что остается после вас. Идите работать. Вероника, не ищите ответов на вопросы внутри себя, так вы их не найдете. И оправдания себе не подыщите.

Входит Марк.

М а р к. Николай Николаевич не приходил?

В е р о н и к а. Неужели придет?

М а р к. Не приходил?

В е р о н и к а. Нет.

Анна Михайловна собирается уходить.

Посидите, Анна Михайловна.

А н н а М и х а й л о в н а. Я пойду к себе, Марк Александрович, вероятно, устал.

М а р к *(фальшиво)*. Вы не мешаете, Анна Михайловна, сидите.

А н н а М и х а й л о в н а. Мне скоро на лекцию. *(Ушла.)*

В е р о н и к а. У нее сегодня, оказывается, день рождения сына Володи, того, что в госпитале.

М а р к. если придет Чернов, ты, пожалуйста, будь с ним повежливее.

В е р о н и к а. Противный он.

М а р к. Мне он, может быть, в сто раз противнее, чем тебе, а ничего не поделаешь – начальство.

В е р о н и к а. И деньги у тебя займы берет, а никогда не отдает.

М а р к. Зато какой администратор! Концерты устраивает самые выгодные.

В е р о н и к а. Особенно неприятно смотреть, как ты лебезишь перед ним.

М а р к *(строго)*. Я никогда перед ним не лебезу... то есть не лебезю... то есть.. У, какое идиотское слово! И вообще мне опротивела эта война! Кричали – скоро кончится, месяца четыре, полгода! А ей конца-края нет. Я музыкант! Я плевал на эту войну! Чего от меня хотят? Был Бетховен, Бах, Чайковский, Глинка – они творили, не считаясь ни с чертом, ни с дьяволом! Им все равно при ком и когда было творить – они творили для искусства.

В е р о н и к а. Прекрати. Ты совсем перестал заниматься, Марк.

М а р к. Да, иногда я в отчаяние прихожу. Ох, эта война, война! Ну, ничего, будет и ей конец. Самое главное сейчас – выстоять. Понимаешь, главное – выстоять

Стук в дверь.

Пожалуйста.

Входит Ч е р н о в. Это солидный, степенный, хорошо одетый мужчина.

Ч е р н о в. Добрый вечер, Вероника Алексеевна.

В е р о н и к а. Здравствуйте.

Ч е р н о в. Марк Александрович, вы меня извините за вторжение...

М а р к. Что вы, Николай Николаевич, мы очень рады. Пожалуйста, раздевайтесь.

Ч е р н о в *(снимая шубу)*. Немцы-то как на Кавказе продвинулись, читали? Ничего, мы им покажем себя. Можно, я положу шляпу на этот столик?

М а р к. Пожалуйста, пожалуйста.

Ч е р н о в *(проходя в центр комнаты)*. Уютно у вас, тепло... А у меня жена с детьми в Ташкенте... Живу как бесприютный.

В е р о н и к а. Я пойду в магазин, Марк.

М а р к. Хорошо.

В е р о н и к а ушла.

Ч е р н о в. Я всегда восхищаюсь вашей супругой, какая она непосредственная, чистая.

М а р к. Вы не обижайтесь на нее, Николай Николаевич.

Ч е р н о в. Я сказал совершенно искренне. А эта детская невыдержанность делает ее просто очаровательной. Искал вас сегодня в филармонии...

М а р к. Да-да, мне передавали.

Ч е р н о в. Мне совестно к вам обращаться, но выручайте, Марк Александрович. Жена пишет – сидит без копейки.

М а р к. Сколько, Николай Николаевич?

Чернов. Буквально сколько можете. Хотя бы пятьсот рублей.
Марк *(доставая деньги)*. Пожалуйста, Николай Николаевич.
Чернов. Я все подсчитаю, вы не беспокойтесь
Марк. Что вы, Николай Николаевич!
Чернов. И еще небольшая просьба: вы бы не могли попросить Федора Ивановича достать некоторые медикаменты?
Марк *(испуганно)*. Какие?
Чернов. Хорошо бы сульфидин, опий, камфору.
Марк. Нет-нет... что вы... Дядя Федя болезненно щепетильный. С этим к нему подступиться невозможно.
Чернов. Ну, не надо, не надо.
Марк. Может быть, в его домашней аптечке есть – я посмотрю.
Чернов. Нет, если действительно неудобно – не нужно.
Марк. Ничего-ничего... *(Уходит и возвращается с медикаментами в руках.)* Вот все, что есть.
Чернов. Не густо.
Марк. Зачем вам так много?
Чернов. Вы скажите Федору Ивановичу, что это для меня. Надеюсь, не обидится. В сущности – пустяк. *(Прячет медикаменты в портфель.)* Вы сегодня будете у Антонины Николаевны?
Марк. Может быть.
Чернов. Извинитесь за меня, я занят, не могу прийти. Кстати, могу вам предложить эту коробку конфет. *(Достает из своего большого портфеля коробку.)* сделайте именинный подарок. Антонина Николаевна будет рада. Не очень роскошно, но вы привяжите сверху какой-нибудь пустячок. Ну, хотя бы вот эту игрушку. *(Показывает на белку, оставленную Вероникой на диване.)* Получится неплохо, уверяю вас. Война – надо во всем проявлять фантазию.
Марк. Сколько?
Чернов. Ничего-ничего. Потом сочтемся. Пустяк. Я оставляю, да?
Марк. Хорошо, Николай Николаевич. Спасибо.
Чернов *(одеваясь)*. Завтра хотели, чтобы вы выступали в госпитале – бесплатно, разумеется, - а я вас перебросил в другую бригаду. Кажется, недурно заработаете. Пригодится, верно?
Марк. Спасибо, Николай Николаевич.
Чернов *(прощаясь с Марком)*. Откланяйтесь вашей супруге.
Марк. До свидания, Николай Николаевич.

Чернов уходит.

*Марк подошел к шкафу, вынул оттуда костюм, прошел за ширму переодеваться.
Быстро входит Ирина.*

Ирина. Дома есть кто?
Марк *(кричит)*. Нельзя-нельзя, я переодеваюсь.
Ирина. Анна Михайловна, Анна Михайловна!

Входит Анна Михайловна.

Поздравьте меня! Просто отдышаться не могу!.. Сегодня делала сложнейшую полостную операцию – прошла исключительно удачно. Отец наблюдал, хвалил. Паренек совсем был готов, как они выражаются, «комиссоваться», то есть на тот свет отправиться, а я рискнула – конечно, с согласия отца. У нас нет чая?

Анна Михайловна. Я могу вам предложить кофе.
Ирина. Пожалуйста, пить хочется смертельно.

А н н а М и х а й л о в н а ушла.

Марк! Я сегодня совершила чудо! Воскрешение из мертвых.

Возвращается А н н а М и х а й л о в н а.

Понимает, он умирал... *(Идет за ширму, где переодевается Марк.)* А теперь будет жить! Будет, будет!

М а р к. Нельзя, я же тебе сказал!

И р и н а. Что, я тебя не видела в подштанниках? *(Подбегает к телефону.)* Госпиталь?.. Это кто? Нянюшка, как состояние больного Сазонова из сорок пятой палаты? Это Бороздина говорит... На боли жалуется? Ничего, пусть потерпит голубчик... Есть просил?! *(Вешает трубку.)* Есть просил – великий праздник! У меня у самой аппетит разыгрался. *(Жадно ест бутерброд.)*

Входит М а р к. Завязывает перед зеркалом галстук.

Да, чтобы понять все это, надо быть или врачом, или умирающим. Это – тридцать второй мой воскрешенный.

М а р к. Ты бы делала зарубки, как бойцы на винтовках, - убьют фашиста и зарубку делают. Так и ты, ну хотя бы на операционном столе.

И р и н а. Ты меняешься, Марк, и не в лучшую сторону.

М а р к. А я не понимаю, как это можно копаться в чьих-то потрохах, делать ампутацию, резекцию, а потом плясать от радости.

А н н а М и х а й л о в н а. Успех в любой профессии доставляет чувство удовлетворения и радости.

М а р к. По-вашему, если гробовщик сделал отличный гроб – он потирает себе руки от удовольствия?

А н н а М и х а й л о в н а. Как это ни парадоксально, вероятно, да.

М а р к. Тьфу!

И р и н а. Тонкая натура, ты что прифрантился?

М а р к. Концерт.

И р и н а. Ври умнее, среды у тебя выходные.

М а р к. Говорят тебе, концерт... шефский.

И р и н а. Где это?

М а р к. В клубе пишевиков.

И р и н а *(встает из-за стола)*. Спасибо, Анна Михайловна. Пойду запишу в свою тетрадочку.

А н н а М и х а й л о в н а. Не перегружайте себя, Ирина Федоровна. Я заметила, что вы Ио по ночам пишете и пишете.

М а р к. Действительно, что ты там, летописи, что ли, сочиняешь?

И р и н а. Да. «Се повесть временных лет»... *(Ушла.)*

М а р к. Просидит она всю жизнь в девицах, помяните мое слово!

А н н а М и х а й л о в н а. Почему вы так решили?

М а р к. Когда молодая женщина так иступленно работает – значит, она что-то заглушает в себе. *(Привязывает белку к коробке.)*

А н н а М и х а й л о в н а. Вы хотите унести эту белочку?

М а р к. Да... Тут один мальчик именинник, по дороге зайду поздравлю.

А н н а М и х а й л о в н а. Мне кажется, ваша жена очень дорожит этой вещью.

М а р к. Ничего... Я ей куплю другую игрушку.

А н н а М и х а й л о в н а. Вы бы поговорили с женой, Марк Александрович, у нее очень тяжелое настроение.

М а р к. Да я вижу. И чего ей надо – не пойму. Поговорите вы с ней, Анна Михайловна. Мне самому просто невыносимо, иногда домой возвращаться не хочется. (Одевается.) Скажите Веронике, что приду не поздно. (Ушел.)

Входит И р и н а.

А н н а М и х а й л о в н а. Все-таки нехорошо получилось.

И р и н а. что такое?

А н н а М и х а й л о в н а. Ваша невестка оставила на диване маленькую плюшевую белку, очевидно, чей-то подарок.

И р и н а. Борин подарок.

А н н а М и х а й л о в н а. Я так и думала. А Марк Александрович привязал ее к коробке конфет и унес какому-то мальчику.

И р и н а. Черт знает что делается! «Концерт»!.. Я чувствовала. «Мальчику»! Зовут этого мальчика Антонина.

А н н а М и х а й л о в н а. Что вы, Ирина Федоровна?

И р и н а. Нужно быть глупой, как Вероника, чтобы ничего не видеть.

А н н а М и х а й л о в н а. Может быть, вы ошибаетесь?

И р и н а. Ошибаюсь! Наша операционная сестра живет в одном доме с этой особой... Я уж молчу, чтобы отец не знал.

А н н а М и х а й л о в н а. Бедная девочка, до чего ее жаль!

И р и н а. Представьте себе, мне – ни капельки. Это какая-то кукла. Сидит на своем диванчике, ежится, как будто тонула, а ее только что из воды вытащили.

А н н а М и х а й л о в н а. Это вы верно заметили, Ирина Федоровна. Но у нее доброе сердце.

И р и н а. Это у вас доброе сердце, Анна Михайловна. Вы бы знали ее раньше. Хохотала так, что завидно делалось. Лепила, в художественное училище собиралась. Талант!.. А теперь? Самое большое, что из нее получится, – это домашняя хозяйка. И то, вероятно, плохая.

А н н а М и х а й л о в н а. Вы судите как энергичная женщина. У девочки погибли родители...

И р и н а. Знаю. Первое время и я не могла на нее смотреть без слез. Но дни идут... В этой адской войне надо выстаивать, а не превращаться в простоквашу. Иначе что получится? Сейчас счастливых нет – и быть не может.

А н н а М и х а й л о в н а. Вы обижены за пропавшего брата, Ирина Федоровна.

И р и н а. Да, и за него.

А н н а М и х а й л о в н а. И не правы.

И р и н а. Я ей за Бориса никогда не прощу.

А н н а М и х а й л о в н а (резко). И не правы! Война калечит людей не только физически, она разрушает внутренний мир человека, и, может быть, это дно из самых страшных ее действий. Вы же понимаете состояние раненых, когда они кричат, стонут и своим поведением даже мешают вам лечить их. Там вы терпеливы, снисходительны, а здесь... И вообще, когда мы обрежем палец – бежим в больницу, а когда изранена душа – мы только и кричи: крепись, мужайся!

Входит Ф е д о р И в а н о в и ч.

И р и н а. Ты что задержался?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ребят отправляли, кого домой, кого в выздоравливающий батальон. А Вероника где? Марк?

А н н а М и х а й л о в н а. Марк Александрович сказал – у него концерт, а Вероника, вероятно, пошла прогуляться.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не люблю, когда дом пуст. Скоро ли мы сможем хотя бы за стол садиться все вместе, как в Москве? *(Пьет кофе.)* А вы, Анна Михайловна?

А н н а М и х а й л о в н а. Я только что пила кофе. *(Уходит.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Двое так двое. Ирина! В шкафчике на заветной полочке – с устатку.

И р и н а. Ты бы воздержался.

Ф е д о р И в а н о в и ч. За твои успехи! Молодец ты, Ирина! Проглоти и ты маленькую.

И р и н а. Еще его, мерзость такую.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Писем не было?

И р и н а. Нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Понимаю. Глупый вопрос задал... Ничего, потерпим. Ты бабушке деньги отправила?

И р и н а. Да, утром. Чего она там, в Москве, сидит караулит?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Упрямая. Доктор Бобров на тебя поглядывает. Заметила?

И р и н а. Есть у меня время...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Он, по-моему, симпатичный...

И р и н а. Ну и что?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Э, какая ты...

Входит Вероника.

Вот кстати... Садись.

В е р о н и к а. Не хочется. *(Пошла, села на диван.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Это что – перловка, что ли?

И р и н а. Кажется. Ешь, не разглядывай.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Хочется гречневой... *(Веронике.)* Кашу ты варила?

В е р о н и к а. Я...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Снег-то третий день лепит и лепит.

В е р о н и к а. Да.

Ирина начинает собирать со стола.

(Подходит к Ирине.) Давай я уберу.

И р и н а. Ладно, сиди уж!

Вероника отошла. Ирина унесла посуду.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(подойдя к Веронике)*. Ну как?

В е р о н и к а. Что?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Гуляла?

В е р о н и к а. Да.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(не зная, что сказать дальше)*. Это хорошо. Знаешь, духу надо больше, духу...

В е р о н и к а. Наверное.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты меня извини, но... Заняться бы тебе чем-нибудь!

В е р о н и к а. Не могу.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А ты – через не могу.

В е р о н и к а. Подумаю.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты потерпи... придет письмо... и вообще все будет в лучшем виде, вот увидишь.

В е р о н и к а. Вы мне никогда не простите за него? *(Плачет.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Я люблю тебя, глупая.

Входит Анна Михайловна.

Анна Михайловна. Очки где-то оставила. *(Ищет.)*

Федор Иванович. А я никогда не читал лекции, боялся большой аудитории. А вообще-то мог бы. Газеты были?

Анна Михайловна. Нет, не было еще.

Федор Иванович. Спасибо. Пойду дров наколю... *(Ушел.)*

Анна Михайловна *(найдя очки)*. Вот они. *(Веронике.)* Марк Александрович просил передать, что вернется не поздно.

Вероника *(ищет)*. Куда я положила свою белку? Вы не видели, Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Ее унес Марк Александрович.

Вероника. Унес Марк? Куда?

Анна Михайловна. Подарить какому-то мальчику.

Вероника. Мою белку!.. Мальчику!.

Анна Михайловна. Вы не волнуйтесь, Вероника.

Вероника. Куда он ушел?

Анна Михайловна. У него концерт в клубе работников пищевой промышленности.

Вероника *(бежит к телефону)*. Клуб?.. Скажите, у вас во сколько начинается концерт?.. Это клуб пищевой промышленности?.. Нет, у вас должен быть концерт...

Выходной? *(Кладет трубку.)* В клубе сегодня выходной.

Входит Ирина.

Ирина. Ты чего раскричалась?

Вероника. Где Марк?

Ирина. На концерте.

Вероника. Я звонила – там выходной.

Ирина. Значит, укатился в гости.

Вероника. Куда?

Ирина. Я не знаю.

Вероника. Вы чего-то не говорите мне. Он унес кому-то мою белку.

Ирина. Ну и что? Подняла крик из-за игрушки.

Вероника. Кому унес? Ты знаешь, да?

Ирина. Ну... знаю.

Вероника. Кому?

Ирина. Антонине Николаевне Монастырской.

Вероника. Какой Монастырской? Зачем?

Ирина. Спроси у Марка.

Анна Михайловна. Ирина Федоровна, если вы начали говорить правду...

Вероника *(Ирине, кричит)*. Говори!..

Ирина. Ты не командуй. Ну, Марк бывает у этой Монастырской... часто. Поняла?

Вероника. Ты мне нарочно говоришь это...

Ирина. С какой стати?

Вероника. Назло. Ты завидуешь мне – меня любят. У меня муж, а ты... ты все еще старая дева!

Анна Михайловна. Вероника, что вы!

Ирина. Монастырская живет на улице Гоголя, где главный гастроном... Кажется, на втором этаже – можешь проверить. *(Ушла.)*

Анна Михайловна. Вы успокойтесь, Вероника.

Вероника. Надо что-то делать... надо что-то делать... надо что-то делать...

Анна Михайловна. Конечно... Придет Марк Александрович, вы объяснитесь... Сейчас не волнуйтесь, необходимо подождать...

В е р о н и к а. Ждать! Опять ждать! Я и так все время чего-то жду, жду, жду... Хватит! Я не хочу больше этого! Ничего не хочу – ни этих стен, ни Марка, ни Ирины, ни вас! Никого! Я знаю, вы все обвиняете меня, только притворяетесь из жалости! А я не хочу этого! Не хочу! *(Одевается.)*

А н н а М и х а й л о в н а. Куда вы?

В е р о н и к а. Туда... К нему.

А н н а М и х а й л о в н а. Это неудобно.

В е р о н и к а. Все удобно! Борис не сделал бы так... Он научил бы меня... он придет и все прости мне, все... Он любит меня, любит, любит!... *(Убегает.)*

А н н а М и х а й л о в н а *(зовет)*. Ирина Федоровна!

Входит И р и н а.

Она убежала туда...

И р и н а. Черт дернул меня вмешаться в это дело... Ничего не будет... Поскандалит, и все. Испортила настроение... Так хорошо на душе было...

А н н а М и х а й л о в н а. Все-таки вы слишком жестоки с ней.

И р и н а. Да, знаю. Ничего с собой поделаться не могу.

А н н а М и х а й л о в н а *(взглянув на часы)*. Пора.

И р и н а. Вы очень спешите, Анна Михайловна?

А н н а М и х а й л о в н а. Нет, пойду потихоньку. А что?

И р и н а. Скажите, я действительно на старую деву похожа? Да?

А н н а М и х а й л о в н а. Что вы, Ирина Федоровна... Вам всего двадцать восемь лет...

И р и н а. И вы не думайте... Я не черствая и не то что не могу любить... Я любила, честное слово, любила... сильно... Это еще в школе было, в десятом классе. Он такой был тихий, хороший, Гриша... Только, пожалуйста, не говорите об этом никому...

А н н а М и х а й л о в н а. Я копилка, Ирина Федоровна... Надежная копилка...

И р и н а. Он даже провожал меня несколько раз. А потом они переехали жить в Свердловск...

Входит Федор Иванович.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Новые инструкции прислали, читала?

И р и н а. Нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(размахивая листками бумаги)*. Полюбопытствуй.

А н н а М и х а й л о в н а. Мы еще продолжим наш разговор, Ирина Федоровна.

И р и н а *(поспешно)*. Да-да.

А н н а М и х а й л о в н а уходит.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Толкового на три копейки, а канцелярщины пуд. Писанина и писанина!

И р и н а. Не рычи. Давай разберемся! *(Берет у отца бумаги, садится к столу, читает.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч *(подходит к карте, на которой черными флажками обозначена линия фронта. Стоит, рассматривает)*. Какая змея получилась!

Стук в дверь.

Можно.

Входит В о л о д я, за плечами у него вещевой мешок.

В о л о д я. Анна Михайловна Ковалева здесь живет?
И р и н а. Здесь. Только она на уроках в вечернем техникуме.
В о л о д я. А комната ее где?
И р и н а (*показывает*). Вот эта.

Володя идет в комнату Анны Михайловны.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Молодой человек, вы, собственно, куда?
В о л о д я (*улыбаясь*). Домой... Я ее сын...
И р и н а. Володя?!
В о л о д я. Да. А вы, наверное, Вероника?
Ф е д о р И в а н о в и ч. А я – Марк Александрович?
В о л о д я (*смеется*). Ирина Федоровна!
Ф е д о р И в а н о в и ч. Разберешься постепенно...
В о л о д я. Вот вы какие!
Ф е д о р И в а н о в и ч. Нравимся? Ну, гость дорогой, сбрасывай пожитки.

Володя кладет вещевой мешок.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Анна Михайловна только что ушла, так что потерпи еще малость. Ириша, дай-ка с заветной полочки. Мы пока покалякаем. Ты пьющий?
В о л о д я. Конечно.
Ф е д о р И в а н о в и ч (*Ирине*). Слыхала, как гордо сказано? (*Володе*.) Тебе сколько лет?
В о л о д я. Двадцать один.
Ф е д о р И в а н о в и ч. А я, знаешь, водку только в двадцать пять попробовал. Некогда было. Мировая война, революция, гражданская... Словом, не везло.
В о л о д я. Я все-таки на фронте был.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Понимаю. В отпуск или по чистой?
В о л о д я. По чистой.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Чем заслужил?
В о л о д я. Пуля в легком сидит. Это не больно. Только вы матери не говорите – сидит и пусть сидит, а ей скажем, что вытащили.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Что же ты не писал о приезде?
В о л о д я. Нарочно. У меня сегодня день рождения.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Сюрприз?
В о л о д я. Да. Вот только вид не праздничный.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, всучил тебе кладовщик не первый сорт.
В о л о д я. Взял, что попало, только бы побыстрее. И в дороге пропылился. В Азии-то уж жарко.
И р и н а (*входя*). А почему ты решил, что я Вероника?
В о л о д я. Мать писала – хорошенькая.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Ирина, твои шансы повышаются!
И р и н а. Чудак! Это же она о Веронике писала.
В о л о д я. О вас она тоже хорошо писала.
Ф е д о р И в а н о в и ч (*Ирине*). А Вероника где?
И р и н а. Гулять ушла.
Ф е д о р И в а н о в и ч (*подымая рюмку*). Ну, молодой герой, в нашем доме ты – первая ласточка.

Чокаются.

Дай бог – не последняя!
В о л о д я (*чокаясь*). Да, как говорится.

И р и н а. Он не в этом смысле сказал, Володя.
В о л о д я (*серьезно*). Я знаю.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

*Комната Антонины Николаевны Монастырской.
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а и В а р я сервируют стол.*

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. ...Вот, Вавочка, как может перевернуться вся жизнь.
В а р я. Вы не огорчайтесь, Антонина Николаевна. Получается прямо необыкновенно, как до войны.
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты бы видела мои комнаты в Ленинграде! Какая мебель! Шкаф – клен «птичий глаз»! И представь, я его забила огромными гвоздями, там посуда. Хрусталь сложила в ванну. Неужели разворуют? А какие люди собирались у меня в этот день! Шум, смех... К концу вечера мы обязательно брали машину, и айда по городу... Из конца в конец! На Васильевский, на Кировские острова, по Петроградской стороне – всюду! Катание на машинах в эту ночь было традицией. А теперь... Какой ужас эта война! Она меня будто вышибла из той жизни одним махом, одним ударом... И знаешь, Вава, какая самая страшная мысль? А вдруг уж ничего не будет по-старому? Ничего, никогда!
В а р я. Будет Антонина Николаевна, будет. Я еще к вам в Ленинград в гости приеду.
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Хорошо бы... Я тебе так признательна – ты мне дала приют у себя.
В а р я. Ну, не надо этого, не надо! К нам в город столько понаехало – всех пристроили. Понимаем, чай, горе-то. А вы – ленинградка, самая пострадавшая. Посмотрите-ка лучше, как я селедочку разделала: огурчики соленые, лучок, яичком сверху покрошила, как вы советовали.
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Спасибо тебе.
В а р я. А кофточку вашу креп-жоржетовую я не продавала, прямо на это мясо выменяла. Кость была, я ее вырезала – завтра суп сварим.
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. А юбку шерстяную почему обратно принесла? Не берут?
В а р я. Дают мало, а юбка хорошая, чего ее по дешевке пускать!
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Хочешь, возьми себе, если нравится.
В а р я. Что вы, не надо! Этакую красоту!
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Бери! Бери! Я же тебе должна.
В а р я. Вот что я вам скажу, Антонина Николаевна: порастрясете вы свое имущество, а дальше что? Война-то, она тянется и тянется... Пойду-ка я обратно на мыловаренный завод. Деньги будут, рабочая карточка... Зря вы меня тогда с толку сбили...
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Нет-нет!.. Что ты!.. Я же погибну без тебя. А кто станет все делать – на базар ходить, стряпать? Потерпи, Вава. Я что-нибудь придумаю.
В а р я. Вчера девчат с завода встретила: «Варвара, говорят, ты что, в домработницы переквалифицировалась?» Зубоскалят...
А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Завидуют. Чем они там, на заводе, заняты? Дохлых кошек на мыло переваривают?

В а р я. Ну уж, Антонина Николаевна, никогда мы таким делом не занимались!.. Вы нашего производства не знаете.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. У меня еще отрезки в чемодане есть, я тебе не показывала. Проживем припеваючи, увидишь. Ты такая добрая, отзывчивая... Не порти мне этот день такими разговорами, хорошо?

В а р я. Хорошо.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Мне и так плакать хочется. Ну что это за жизнь, что за жизнь! *(Плачет.)*

В а р я. Да не убивайтесь! Гости сегодня придут хорошие. Этот... Марк Александрович... как он на пианино играет!.. Просто душу выворачивает... Товарищ Чернов тоже мужчина примечательный... Нюра придет...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ничего ты не понимаешь, Вава. Придет в гости хлеборезка Нюра. Ведь почему зову? Завишу от нее – хлеб носит. Да не только хлеб, помнишь, сыр приносила, колбасу, где-то даже паюсную икру достала.

В а р я. У них в торговой сети связи хорошо налажены.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Она будет царицей бала! Я за ней должна ухаживать!.. Как противно!.. Как противно!..

В а р я. Нехорошая эта Нюрка, верно. Рассказала бы я вам, откуда эта Нюрка хлеб берет, как она его вешает, да огорчать не хочется.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Не рассказывай, Вава, не хочу я знать этой грязи, этой мерзости.

В а р я. Студент придет?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Миша? Да-да, обещал. И невесту свою приведет, я потребовала показать.

В а р я. Он хороший, идейный.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Знаешь, когда он рассказывает о вселенной, даже жутко становится. Без конца и без края, подумай... Только он не очень идейный. Знаешь, зачем он сюда ходит?

В а р я. Зачем?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Досыта поесть. Живет плохо, бедствует. Ну и пусть ходит, а то от одной Нюрки задохнуться можно. Вава, ты оденься получше.

В а р я. Я самое хорошее надела, Антонина Николаевна.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Надень мое, любое.

В а р я. Велико будет.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Приладь.

Звонок. Варя открывает дверь. Входит Ч е р н о в.

Ч е р н о в. Поздравляю, Антонина Николаевна. *(Передает ей несколько коробок конфет и еще маленькую коробочку.)* Вавочка, здравствуйте.

В а р я. Здравствуй, Николай Николаевич. Вы раньше всех.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты примерь, Вава.

В а р я. Попробую. *(Уходит.)*

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(раскрыв коробочку)*. О, как щедро!

Ч е р н о в. Я не могу остаться – дела в филармонии, отправляю бригады в район и в воинские части. Освобожусь к полуночи.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. И ничего не потеряете – будет иллюзия праздника.

Ч е р н о в. Мне просто приятно бывать с вами, на остальных мне начихать.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(смеется)*. Собственно, и мне тоже.

Ч е р н о в. А на Бороздина?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Вы будете мне припоминать его и тогда, когда я, допустим, стану вашей женой?

Чернов. Нет, только до тех пор, пока он бывает у вас. Я мог бы сделать так, чтобы он перестал появляться здесь, но я знаю женский характер! Если от вас отрывать мужчину насильно – это значит поднимать ему цену и увеличивать вашу привязанность к нему. Естественный ход событий наиболее верен.

Антонина Николаевна. Какой практицизм!

Чернов. Мне около пятидесяти, я не хочу казаться лучше или хуже.

Антонина Николаевна. Это скучно, но ценно. Вы написали жене в Ташкент?

Чернов. Пока... нет. Разумеется, я буду высылать ей алименты на младшего. Старший уже сам становится на ноги, он тоже обязан помогать матери. Там все будет нормально, по закону. Вы только скажите – да.

Антонина Николаевна молчит.

(Взглянув на часы.) За актерами придет машина из воинской части – задерживать нельзя. Потом нужно отправить автобус в район... Нагрузка большая, иногда даже чувствую усталость... *(Улыбнувшись.)* Ну, вот этого я не должен был вам говорить.

Антонина Николаевна. Вы освобождаетесь в двенадцать? Слушайте, поедemте кататься! Заезжайте за мной на машине!

Чернов. На легковой машине я отправил в колхоз артистов, приехавших из Москвы.

Антонина Николаевна. Ну, приезжайте на чем-нибудь, хоть на автобусе. А что? Будем ездить по городу на автобусе вдвоем, это даже необыкновенно!

Чернов. Автобус у нас один, он в девять уходит в район.

Антонина Николаевна. Ну достаньте какую-нибудь машину. Ну пожалуйста! Какую-нибудь – пожарную, санитарную... все равно... Достаньте!

Чернов. Это причуда, Антонина Николаевна!

Антонина Николаевна. Пусть!.. Ну... доставьте мне, пожалуйста, безумное удовольствие...

Чернов. Попробую... До свидания. *(Пошел, но остановился.)* Я люблю вас сильно. *(Уходит.)*

Входит Варя в платье Антонины Николаевны, она в нем выглядит смешно.

Варя. Я нарочно не выходила, нехорошо было бы, правда?

Антонина Николаевна. Умница.

Варя *(оглядывая свой наряд)*. В каком-то журнале я такую видела...

Антонина Николаевна. В «Крокодиле»...

Варя. Да-да, точно.

Антонина Николаевна. Ничего не подобрала?

Варя. Ничего. Свое надену, лучше, правда?

Антонина Николаевна. Безусловно.

Варя. А что вам подарил Николай Николаевич?

Антонина Николаевна. Вот. *(Показывает коробки конфет.)* И это. *(Передает Варе коробочку.)*

Варя *(раскрыв коробочку)*. Литерная карточка на питание... И жиры не вырезаны!.. Неужели свою отдал? Вот добрый человек! Чего же он не остался?

Антонина Николаевна. Не может. Занят на работе.

Варя. Деловой, видно.

Звонок.

Откройте, Антонина Николаевна, я в таком виде гостей перепугаю. *(Убегает.)*

Антонина Николаевна открывает дверь. Входит Миша, он в «сильных» очках, и Танечка - худенькая девочка с остреньким личиком.

Антонина Николаевна (*показывает на свой фартук*). Гости аккуратны, а хозяева опаздывают.

Миша (*передавая Антонине Николаевне сверток*). Поздравляю.

Антонина Николаевна. Что это?

Миша (*развертывая сверток*). Фикус. В такой день полагается дарить цветы.

Антонина Николаевна. Чудак ты, Миша! Спасибо.

Миша. Танечка, познакомься: это та самая Антонина Николаевна, с которой мы в Ленинграде жили в одном парадном. Там только издали кланялись, а здесь познакомились.

Танечка (*Антонине Николаевне*). Здравствуйте. Поздравляю вас.

Антонина Николаевна (*здороваясь*). Спасибо. Покажитесь, покажитесь, узнаем Мишин вкус. Он о вас столько рассказывал...

Танечка. Вы извините его. Я говорю: не надо фикус, а он говорит: почему, это смешно. Знаете, он своей хозяйке за него два кубометра дров напил.

Миша. Разве называют цену подарка?

Антонина Николаевна. Вы очень славная. Миши, одобряю! (*Тане.*) Повеселимся сегодня. Можно будет потанцевать, спеть.

Миша. Танечка от нашего кружка самодеятельности даже в госпиталях выступает. Соло. Такой голос! Меццо.

Антонина Николаевна. Я уверена, у нее масса всяких достоинств.

Миша. И учится она совершенно блестяще...

Танечка. Миша, не преувеличивай.

Миша. Танечка, это же правда.

Танечка. Миша!

Антонина Николаевна. Простите, я вас оставлю на одну минутку. (*Уходит.*)

Танечка. Миша, ну зачем ты все время говоришь обо мне и обо мне... Так неудобно!

Миша. Но ты действительно исключительный человек.

Танечка. Мы недолго посидим здесь, хорошо?

Миша. Ты дашь знак.

Звонок. Пробегает Варя.

Варя. Здравствуйте, Миша. (*Тане.*) Здравствуйте. (*Открывает дверь.*)

Миша (*Тане*). Ее зовут Вава. Она немного странная – не работает и не учится.

Танечка. А что делает?

Миша. Обслуживает Антонину Николаевну.

Танечка. А Антонина Николаевна где работает?

Миша. Нигде. Они, знаешь, как-то взаимно друг друга обслуживают. Я Вале говорю...

Входит Марк. Одновременно входит Антонина Николаевна.

Антонина Николаевна. Марк Александрович!

Марк. Поздравляю вас. (*Дает подарок.*)

Антонина Николаевна. Спасибо. Познакомьтесь.

Танечка (*здороваясь с Марком*). Мы с Мишей вас на концертах слушали.

Миша. Вы по манере игры немножко напоминаете Софроницкого.

Марк. Принимаю как комплимент.

Антонина Николаевна (*развернула сверток, увидев игрушку*). Я помолодела на десять лет!

Танечка. Ой, какая чудесная игрушка!

М и ш а (*Тане*). Я тебе такую достану, из-под земли выкопаю! (*Марку*.) Где это вы ее купили?

М а р к. На заказ сделана.

М и ш а. Где?

М а р к. Из Москвы прислали.

М и ш а. А... досада.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Товарищи, потерпите еще несколько минут. Молодежь, занимайтесь подбором пластинок – есть Лещенко и Шаляпин. Вава, покажи.

М а р к. Я, к сожалению, не молодежь.

В а р я и Т а н я уходят.

М и ш а. Насчет Софроницкого – это я не комплимент сказал. Когда вы жили в Ленинграде...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Миша, тебя Танечка ждет.

М и ш а. Извините. (*Уходит.*)

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты принес коробку конфет, которую купил у Чернова.

М а р к. Что ты!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Не лги! Вон он притащил мне сколько! И главным образом затем, чтобы поставить тебя в неловкое положение. Ну, не смущайся. Люблю тебя за это, ребенок.

М а р к. Страшный человек.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Я сама его боюсь.

М а р к. Тоня, ты не спеши с ним... Я скоро оставлю жену...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Если из-за меня – пожалуйста, не надо. Я не хочу вносить разлад. В ваш дом.

М а р к. Разлада не будет. Я не люблю ее, она не любит меня. Она живет старыми воспоминаниями, ни слова не говорит, но я все вижу, все понимаю.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты ревнуешь!

М а р к. Как же я могу ревновать к пустому месту? Брат убит, это ясно. У них у всех не хватает мужества признаться себе в этом... Конечно, тяжело, но война!..

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Я тоже буду с тобой откровенна, Марк. Да, сейчас война, она унесет много мужчин, а молоденьких девушек будет все больше и больше. Ну кто польстится на меня при таком выборе? Я не спешила замуж, но сейчас это надо сделать. И быстрее, иначе я рискую остаться на бобах. Будет ли это Чернов? Возможно. Он всегда с деньгами. А деньги, как ни говори, великая вещь.

М а р к. Он в тюрьму скоро сядет... Его деньги краденые.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Что делать! К сожалению, жулики нередко богаче честных людей. Его дела не будут меня интересовать. Я с удовольствием вышла бы замуж за богатого честного человека, но где такой? Они не нашего поля ягоды. Ты не какой-нибудь Миша, ты должен все это понять. И мы останемся друзьями.

Звонок. Пробегают В а р я.

М а р к. Послушай меня, Тоня...

Входит Н ю р а. Когда она снимает пальто, на ней богатый, но чудовищно безвкусный наряд. В руках у Нюры сетка-авоська. Следом за ней возвращается В а р я.

Н ю р а. Поздравляю, Антонина Николаевна, с днем вашего ангела! Тут консервы разные, муки три кило, баранки с маком – вы таких с довоенных времен не едали... Лярдю взяла... Выгружай, Вавка, авоську отдашь. Марк Александрович, привет.

В а р я унесла сетку с продуктами.

М а р к. Здравствуй, Нюра.

Н ю р а *(оглядывая стол)*. Порядок! И в графинчика булькает. Вон икорка-то моя поглядывает, сберегли тебя на такой день, не скушали.

М а р к. Нюра, молодежь в той комнате пластинки подбирает.

Н ю р а. Ну их к шуту. *(Садится.)* Да и вы свои разговоры бросайте. Мы с Петькой тоже как начнем ворковать – удержу нет. Хотела я его сюда прихватить, да не идет, кобенится. Он у меня стеснительный. Ждем, что ли, кого?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Нет, Нюра, ты – последняя.

Н ю р а. Не последняя, а крайняя...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(зовет)*. Миша, Таня, идите к столу!

Входят М и ш а и Т а н я. Позднее - В а р я.

Н ю р а. Я уже чуток выпила... ревизионная комиссия была. Устала. Прислали каких-то двух девчонок, чего они понимают, несмышленные? Под прилавок нос сунули, к бухгалтеру сбегали... Кругом ажур.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Миша, тебе, как самому ученому, первый тост.

М и ш а. С удовольствием.

Н ю р а *(Антонине Николаевне)*. Какое колечко симпатичное! Продайте!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Потом, Нюра, потом.

М и ш а. Товарищи, Антонина Николаевна нас извинит, если мы первую рюмку выпьем не за нее.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(смеется)*. За Танечку.

М и ш а. Даже не за Танечку. За скорейшее окончание войны. За победу!

Н ю р а. Э, если бы от выпитой водки война скорей окончилась, я бы одна ведро выпила. Однако не возражаю, авось поможет.

Все пьют.

М и ш а. Вы, Нюра, правы. Конечно, главное, чтобы каждый из нас сейчас трудился изо всех сил...

Н ю р а. Стараемся.

М и ш а. Только общими усилиями...

Т а н я. Миша, не надо...

М а р к. Давайте забудем все, что творится кругом.

В а р я. Да, забудь... Я на базар ходили – с вокзала опять раненых везли.

М и ш а. Много?

В а я. Угу.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Будет, будет, не надо мрачных разговоров!

Н ю р а. Выпьем вот за что: за хлеб наш насущный, который нас кормит.

М и ш а. Которым мы кормимся.

Н ю р а. Я об этом и говорю.

М а р к. За Антонину Николаевну.

Все пьет.

Н ю р а. Что это мои наряды никто не хвалит?

М и ш а. Нюра, сногшибательно!

Н ю р а. У меня еще панбархатное есть, длиннющее. Хотела надеть, да хвост из-под пальта торчит.

В а р я. Сколько буханок дала?

Н ю р а. Ты по своей иждивенческой немного получаешь, тебе не сосчитать.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Товарищи, без ссоры. Танечка, спойте нам, Марк Александрович будет сопровождать.

Т а н е ч к а. Мне не хочется.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Упрямитесь нехорошо.

Т а н е ч к а *(с резкостью в голосе)*. Мне просто не хочется.

М а р к. Антонина Николаевна, не торопите. Подождем минуты вдохновения.

Н ю р а *(взяв белку)*. Все на свете ела, а золотых орехов не щелкала. Раздавлю парочку.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Разделим пополам. Кто хочет, может унести на память об этом вечере. *(Делит орехи, находит на дне записку. Марку.)* Что это – поздравление?

Марк пытается отнять записку у Антонины Николаевны.

Нюра, держи его!

Н ю р а *(удерживая Марка)*. Не трепыхайся, не трепыхайся, это тебе не на пианино играть.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(разворачивает записку, читает)*. «Моя единственная!»... Марк Александрович, единственной у вас должна быть только жена... «Поздравляю тебя с твоим счастливым, радостным днем рождения!»... Вы перепутали, Марк, я именинница... «В этот день ты появилась на земле. Какое счастье, жизнь моя... Уйти от тебя тяжело, но остаться нельзя...». Что-то таинственное... «Я не могу жить прежней жизнью, беспечно веселиться в часы, когда по нашей земле идет смерть. Ты поймешь это, моя родная Белочка. Бывают дни и минуты, когда наша частная жизнь, пусть очень счастливая, становится ничтожной перед жизнью всех нас, всего народа, всей страны. Люблю и верю в тебя. Твой Борис». *(Пауза.)* Что это? Чья это записка?

М а р к. Я купил эту вещь на рынке.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. скверная манера покупать подержанные вещи да еще дарить их! Может быть, она заразная!

Т а н е ч к а *(встает)*. Миша!

Миша встает и вместе с Танечкой идет к двери.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Вы куда?

Миша и Таня молча одеваются.

Уходишь, чистый человек? Дали команду?.. Наелся?

М и ш а. Что?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Наелся, говорю?

Т а н е ч к а. Как вам не стыдно! Миша всю свою стипендию матери высылает и все, что подрабатывает... Она больная, вы знаете... Я ему говорила – не надо к вам ходить, а он всех считает хорошими... У нас в доме крошки в рот не берет, а все время недоедает, знаю... Мы поженимся скоро, он совсем у нас будет свой...

М и ш а. Танечка, ты не думай, что я...

Т а н е ч к а. Здесь ничего не говори, не надо!

Сталкивается в дверях с Вероникой.

Видишь, здесь и без нас будет весело...

Уходят.

М а р к. Что ты?! Зачем ты пришла?

В е р о н и к а. Где моя белка?

М а р к. Ты понимаешь, что ты делаешь?

В е р о н и к а. Где она?

М а р к. Что с тобой? (*Подходит к Веронике.*) Ну что с тобой?

В е р о н и к а. Не трогай меня!

М а р к. Только не устраивай скандал. И ты, пожалуйста, ничего не думай...

В е р о н и к а (*увидев белку*). Возьми ее со стола.

М а р к. Не делай глупости, Вероника.

В е р о н и к а. Быстрее!

М а р к (*берет белку, собирает орехи*). Антонина Николаевна, вы извините...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а (*Веронике*). Здесь еще вам записка от какого-то Бори...

В е р о н и к а (*забыв все, бросается к записке*). От Бори?!

М а р к. Это старая, старая...

Вероника читает записку.

М а р к (*подходит к ней, берет ее за плечи*). Ну что ты переполошилась, глупенькая?

Вероника смотрит на Марка и друг с размаху бьет его по лицу.

Что ты? Ты что?!

Вероника бьет еще раз, еще и еще. Идет к двери.

Я иду с тобой. (*Всем.*) Извините меня...Вы, конечно, понимаете... (*Веронике.*) Я иду.

В е р о н и к а ушла. М а р к уходит за ней.

Н ю р а. Ревнивая ему досталась, от такой не убежит.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Какая отвратительная сцена. Я даже испугалась.

Н ю р а. Да нет, она добрая. Если бы я своего Петьку с какой бабой застала, тцут бы на месте обоих и придушила.

В а р я. Зачем это вы, Антонина Николаевна, Мишу обидели? Как нехорошо сказали – «наелся»! Меня прямо в краску бросило.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Оставь меня в покое... Еще тебя недостает.

Н ю р а. Да уж, и без тебя тут много гавкали.

В а р я. Он всегда с вами так хорошо разговаривал...

Н ю р а. Отлипни, говорят!

В а р я. Ты сама молчи. Знаю, как ты хлеб вешаешь да сколько черным ходом уносишь.

Н ю р а. Ну, мы эти разговоры не первый раз слушаем. Считай з счастье, что ты не в магазине перед прилавком. Тут интеллигентная женщина сидит. Я бы тебе ответила – умеем, насобачились.

В а р я. Съехали бы вы от меня, Антонина Николаевна!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. С ума ты сошла! Куда я уеду?

В а р я. Я на завод пойду работать. Там меня Варей звали. А вы придумали – Вава. Все равно как собаки лают: ва-ва! Ваша жизнь, может быть, и интеллигентная, но вы уж ею сами живите, а я не могу, не получается.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Перестань, тебе говорят. Меня сюда райисполком вселил, по ордеру, и ты из себя хозяйку не изображай.

В а р я. Ладно... в общежитие перееду к девчатам, они пустят... Папаня с братом с фронта пишут: «Варвара, как ты там одна?» А я их успокаиваю... Папаня-то, уезжая, говорил... *(Плачет.)*

Н ю р а. Ну, навела тоску на светлый день. *(Подходит к Антонине Николаевне, берет ее за руку.)* Я пойду. Расклеилась вечеруха. Не тот вы народ подбираете, я вам скажу. Не тот. Хлипкие очень. А сейчас война – крепких надо под рукой иметь, своих. Колечко-то как блестит!.. На что оно вам, вы и так красавица. Уступите, а?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Господи, хоть бы Чернов скорее приехал... Спрятаться за него и утихнуть. Я так измучилась, Нюра, так устала... Извертелась, изломалась... Мне уж тишины хочется, покоя...

Н ю р а. Я сама по покою соскучилась. Ведь на нервах живешь! Антонина Николаевна, на нервах! Несу хлеб, а сама оглядываюсь, будто воровка какая... Накоплю пятьсот тысяч и притихну. Вавака, не всхлипывай. Мы тишины хотим. Тишины, слышишь? Не всхлипывай!..

КАРТИНА ПЯТАЯ

Декорация третьей картины. В комнате - Ф е д о р И в а н о в и ч и В о л о д я. Они сидят за тем же столом и продолжают беседу.

В о л о д я. Впереди кино, чистое кино: на горизонте деревни горят, лес тоже полыхает, и люди бегут. Кино. Немцы на наш бугор психической атакой идут... Мы в окопах притаились... Вверху бомбардировщики воют... Слева, около леса, танковый бой идет... Мины свистят... Все, знаете, вокруг гудит, грохочет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты стихи пишешь?

В о л о д я. А вы как догадались?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Проник.

В о л о д я. Ну так вот...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Гляжу я на тебя – такие, как ты, и мне в руки попадались в очень плачевном виде. Эх, мать ты моя! Что ж это война наделала! Пойми, кончится она, а горе-то, оно, знаешь, и после войны сколько лет эхом по земле грохотать будет!..

В о л о д я. Ну, после войны мы проживем!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Отвоюем – потанцуем. Вот что, герой, давай матери позвоним. Она после уроков имеет привычку идти домой пешком. А это – минут сорок. *(Идет к телефону.)*

В о л о д я. Почему пешком?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Время быстрее идет.

В о л о д я. А у матери лекции во сколько кончаются?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Когда как... *(В трубку.)* Техникум?.. Ковалеву Анну Михайловну... Ага! Ну, как уроки кончатся, скажите ей, чтобы домой сразу ехала. К ней сын вернулся... Да, Вольдемар. *(Повесил трубку.)*

В о л о д я. Ну вот, все испортили. Она теперь знать будет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А тебе хочется, чтобы она от твоего сюрприза вон там, у порога, без сознания свалилась? Секретарша и та взвизгнула... Скоро освободится. Последняя лекция идет. Потерпи, герой... У меня тут кое-какое обмундирование есть – наведи кросоту, переоденься. Как-никак новорожденный. *(Достает одежду Бориса.)* Тебе пойдет. Мой разве в плечах пошире.

В о л о д я. Вот вы со мной разговариваете, а все о нем думаете.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Обо всех.

В о л о д я. О нем особенно.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Не философствуй, герой.
В о л о д я. Не зовите меня так, не герой я.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Грудь под пулю подставил – этого, брат, достаточно.
В о л о д я. Ну, там такие чудеса делают!..
Ф е д о р И в а н о в и ч. Читал.
В о л о д я. А я сам видел.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Галстук по вкусу выбирай. Ты, наверное, пижон был?
В о л о д я. Слегка. *(Переодевается, из кармана что-то падает на пол.)*
Ф е д о р И в а н о в и ч. У тебя из кармана что-то вылетело.

Володя поднимает фотографию, прячет в карман.

Ого, женщина. Понятно.
В о л о д я. Совсем не то.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Скромничай! Все вы по этой части ходоки хорошие!
В о л о д я. Честное слово, не то.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Заливай-заливай!
В о л о д я. Вот по секрету говорю: совсем этого не было.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Почему по секрету?
В о л о д я. Неудобно как-то.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Чудак, очень удобно. Из такой войны чистым выбраться нелегко.
В о л о д я *(показывает фото)*. Это мама.
Ф е д о р И в а н о в и ч. В молодоски.
В о л о д я. Почему? В сорок первом году снималась.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Да что ты!
В о л о д я. Разве не похожа?
Ф е д о р И в а н о в и ч. Нет-нет, узнаю, узнаю.

Стук в дверь.

Можно.

Входит Чернов.

Ч е р н о в. Если не ошибаюсь, Федор Иванович?
Ф е д о р И в а н о в и ч. Он самый.
Ч е р н о в *(здороваясь)*. Я администратор филармонии, где служит ваш племянник, Марк Александрович. Моя фамилия Чернов Николай Николаевич.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Очень приятно.
Ч е р н о в. Мне вдвойне.
Ф е д о р И в а н о в и ч *(Володе)*. Переоденься в той комнате. *(Тихо.)* Начальство племянника – сам понимаешь, неудобно выставить.

В о л о д я ушел.

Ч е р н о в. Столько слышал о чудесах, которые вы творите у себя в госпитале.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Садитесь, пожалуйста.
Ч е р н о в. Благодарю. *(Сел.)* Простите, но я к вам с просьбой. Даже неудобно – в первый день знакомства...
Ф е д о р И в а н о в и ч. Ничего-ничего, пожалуйста.
Ч е р н о в. Вы главный хирург госпиталя... Вероятно, вам не откажут предоставить госпитальную машину на некоторый срок?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Если понадобится, думаю, не откажут.

Ч е р н о в. Будьте добры, достаньте ее для меня. Филармонические все в разъезде. Позарез надо.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Это сложно... Как-то неудобно... Машины сейчас на вес золота... Каждый литр горючего экономят...

Ч е р н о в. Горючее достану, верну. Это для меня несложно. Могу и вам достать недорого.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Нет, мне, собственно, не надо.

Ч е р н о в. Я именно к вам, Федор Иванович, по-товарищески. Знаю, что трудно – время дьявольское. Все дается трудом. Я тогда для Марка Александровича тоже бегал, бегал... Ну, раз вы просили... Я уж, как говорится, в лепшку... Ваше имя!.. О... Вы даже, наверное, и не знаете, как в городе о вас хорошо говорят: и наверху и в массе. Вот еще о чем я вас попрошу, Федор Иванович, посоветуйте Марку Александровичу больше заниматься. Он, извините, превращается в самого заурядного пианиста. Броня у него кончается через три месяца, а в армию сейчас берут и берут – подчистую вымахивают. *(Доверительно.)* Вы знаете, какие у нас потери? Не мне вам говорить. Даже у вас, говорят, в коридорах кладут. Сделать ему броню на этот раз будет ну просто невозможно. *(Протягивает папиросы Федору Ивановичу.)* Вы курите?

Федор Иванович молчит.

(Поднимает на него глаза.) Федор Иванович, что с вами? Федор Иванович... Вы не подумайте, об это мни одна душа не знает... Я понимаю, ваше имя... *(Смотрит на Федора Ивановича.)* Неужели Марк Александрович обманывал меня и вас? Это непорядочно!.. Мне так трудно было... Да нет, он даже деньги о вас предлагал... Я, конечно, не взял... Собственно, даже не я броню устраивал... Вы извините... Я поговорю с Марком Александровичем... Это так нехорошо, так нехорошо... Будьте здоровы, Федор Иванович. *(Исчез.)*

Входит В о л о д я.

В о л о д я. Какие-нибудь неприятности? Да вы не волнуйтесь. Давайте выпьем для успокоения.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Герой! Ты свое ухарство бросай, а то прилипнет – балбесом сделаешься.

В о л о д я *(смуценно)*... Я просто так...

Ф е д о р И в а н о в и ч. То-то!

В о л о д я уходит. Федор Иванович крупными шагами ходит по комнате.

Входит И р и н а.

И р и н а. Ему легче. Он нервничает и возится. Укол сделала. Пусть спит, это лучше, верно? А где воин? *(Зовет.)* Володя!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Переодевайтесь. Я ему Борисово дал, я то вид у него невзрачный.

Входит В о л о д я.

В о л о д я. Подошло.

И р и н а. Ну-ка, повернись.

Володя поворачивается.

(Отцу, тихо.) Не надо было... Даже жутко.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Чепуха.

И р и н а. Ты что злой?

Входят Вероника и Марк.

М а р к. Дядя Федя, я прошу твоей помощи. Ты знаешь, что она сейчас выкинула?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что?

М а р к. Влетела к поторонним людям – я туда на минуту зашел, - кричала, как базарная торговка, даже драться полезла! Ты представляешь?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не ударила?

М а р к. Дядя Федя, сейчас не до шуток. Там были чужие люди... Теперь сплетни пойдут. Городишко паршивенький. Меня публика знает, тебя тоже.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, позорить себя я ником не позволю.

М а р к (Веронике). Слышишь?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Дальше что?

М а р к. Дядя Федя, я знаю, что вы ее любите. Мне тоже ее жалко. Но мой брак – неудачный, мы все это видим, только как-то по-интеллигентски заминаем вопрос. Надо решать. Давайте снимем ей угол, может быть, найдем целую комнату, я готов оплачивать, помогать. В конце концов, она сама должна научиться зарабатывать. Сейчас война – все работают. Это неприятно, но надо решать. Видите, как получается. В свое время пожалеешь человека...

И р и н а (Марку). Ты не смей о Веронике так говорить!

М а р к. Тебе она до сих пор тоже была не по вкусу... Разве случилось что?

И р и н а. Ничего не случилось, но я твои дела тоже знаю...

М а р к. Здесь чужие люди.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ничего, он дома.

И р и н а. Это сын Анны Михайловны.

М а р к. Может быть, он уйдет в свою комнату?

Володя хочет уйти.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Остатнсья.

М а р к. Что вы из-за нее на меня налетаете? Ну ошибся я... Она тоже не маленькая.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не смей себя равнять с ней! Она совершила ошибку, так она сама же и казнит себя, еле живет... а ты делаешь пакости и хочешь чувствовать себя яестным человеком. Только что я узнал новость о тебе.

М а р к. Какую?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Очень приятную. Может быть, ты сам расскажешь о своем блестящем поступке?

М а р к. Не понимаю, о чем ты...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не по-ни-ма-ешь?

И р и н а. Марк, не серди папу, говори!

М а р к. Я не знаю, что ему наговорили.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Припомни!

М а р к. Ты, может быть, о том, что я взял лекарства из твоей аптечки? Меня просили для больного... Что особенного?

И р и н а. Зачем ты взял? Кому?

М а р к. Болен админитратор нашей филармонии Чернов.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Платишь?!

М а р к. О чем ты?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Платишь, говорю! Ты просил от моего имени этого жулика устроить тебе броню, чтобы не идти в армию. И у тебя эта броня есть!

И р и н а. Марк!

В е р о н и к а. Трус, трус, трус! А Боря... Боря – сам!

Ирина. Папа, этого не может быть! Тебе наговорили на него!

Федор Иванович *(Марку)*. Ты что? Думаешь, это легкая шалость? Аллегро?.. Скерцо?.. Или... как у вас там?

Ирина. Тебе нельзя так волноваться...

Федор Иванович. Оставь, пожалуйста... Ничего со мной не будет! *(Марку)*. Как ты мог сделать это? Кто тебе повод дал в нашей семье для такого поступка – я, Ирина или, быть может, Борис?!

Ирина. Перестань сейчас же, слышишь! Сядь! *(Насильно усаживает отца на стул. Марку.)* Я тебе припомню за отца, увидишь!

Федор Иванович. Вот что, Марк...

Ирина. Молчи, я сказала!

Федор Иванович. И тихо, Ирина. *(Марку, показывая на Володю.)* Вот этот птенец грудь под пули подставил... За меня, за них. *(Показывает на Ирину и Веронику.)* За всех... и за тебя в том числе... Живы останемся – в вечном долгу перед ними будем... в вечном... Не знаю, Марк, как и говорить с тобой... Если бы ты ушел в армию, мы бы тоже ждали тебя. Исступленно ждали... и верили... волновались, говорили бы о тебе ежедневно... Вон Ирина плакала бы по ночам... *(Ирине.)* Мне ведь слышно бывает... *(Марку.)* Ты думаешь, кому-нибудь на войну сына отправлять хочется?.. Надо!.. Ты что, считаешь, что за тебя, за твое благополучное существование кто-то должен терять руки, ноги, глаза, челюсти, жизнь?.. А ты – ни за кого и ничто!

Ирина. Папа!

Федор Иванович *(тише, показывая на Володю)*. Ты сомтри, смотри на этого ребенка... *(Володе.)* Извини, герой, я думал, ему особенно будет стыдно твоего присутствия... Скажи ему хоть два слова...

Володя. Ну зачем же...

Большая пауза. Все разошлись по комнате, молчат.

(Начинает говорить, желая прервать эту тяжелую паузу.) Вы напрасно трусите... Конечно, страшно... Ну что же делать? Я не жалею, что повидал всякое. Думаю, поумнел. До войны я что знал? Дом да школа... Ну, стадион еще... В общем, маменькин сынок... А там, знаете, люди прост особенные. Меня одни всё портянки учил накручивать – колхозник пожилой... терпение имел... научил... А когда в окружение попали, наше подразделение сибиряки отбивали... спасли, а тобы нас всех в кашу. Нет, не жалею... Да и когда ранило – вытащили. *(Пауза.)* И чудно так было... Мы в разведку ходили вдвоем... Да разошлись как-то... Обратно иду – поле кругом, снег выпал, видно... По мне стрелять начали... Ну, я, конечно, на землю плашмя. А холодно... Хочу встать – над саомй головой: жжить, жжить! Опять лежу... долго... Чувствую, коченеть начинаю... Вижу, кто-то ко мне подползает, наш... «Лежи, говорит, башки не поднимай, тут, говорит, мертвая полоса...». Это значит, когда нельзя ни наад, ни вперед двигаться... Лежим оба... Дурацкое положение. Он крепче меня был, а я чувствую, что замерзаю. Лежать нужно было до темноты, в темноте легче, а ее еще и не видно было... Он мне начал лицо растирать снегом... Наверное, увидел, что нос побелел... А мне вдруг спать захотелось... Он знал, что это смерть... Расстегнул полушубок, прижал к себе... тепло от него... О девушке вдруг начал говорить – как она хороша, как любит его, как он вернется и женится на ней... Эта тема там популярная... Он совсем разгорячился, а мне тоже, знаете, тепло стало, он все называл ее – Белка... Потом рассказывал смешную историю, как он однажды...

Ирина. Скажи, как его звали?

Володя. Не знаю. Он был не из нашего подразделения.

Ирина. А потом разве вы не встречались?

В о л о д я. К сожалению, нет.

И р и н а. Что же было дальше, Володя?

В о л о д я. Так мы лежали, а темнота только-только спускалась. Он тоже устал и озяб... а я уже засыпал. Помню, он сильно ударил меня кулаком, я очнулся, снова понял все, что происходит, не выдержал, вскочил на ноги... Вот тут-то меня и стукнуло... (*показывает на грудь*) сюда. Я упал... Он ругался, бранил меня... Ну, а мне уж было все равно. Вдруг он вскочил, схватил меня поперек туловища и побежал... По нему стреляли, а он бежал по замерзшему кочковатому полю... Бежать было недалеко, до перелеска...

И р и н а. Добежали, Володя?

В о л о д я. Он добежал. Положил меня в снег и только сам-то поднялся, а эти гады опять начали стрелять и убили его так, что он прямо на меня упал.

И р и н а. Убили?

В о л о д я. Из автоматов, наверно. Так что мне, собственно, говорить нечего.

И р и н а. Кто же это был, ты так и не знаешь?

В о л о д я. Нет. Тут заваруха началась... Когда подошли наши, меня положили на плащ-палатку и понесли, а его стали закапывать.

И р и н а. А документы ты его не видел?

В о л о д я. Он тоже из разведки полз, а когда посылают в разведку, ничего не разрешают брать с собой... В карманах у него нашли только какую-то пуговицу...

И р и н а (*быстро идет к комоду, достает фотографию Бориса, показывает Володе*). Похож?

В о л о д я (*после долгой паузы*). Нет.

И р и н а (*громко*). Он?

В о л о д я (*тихо*). Да.

Ф е д о р И в а н о в и ч проходит в другую комнату. И р и н а быстро идет за ним. Затем уходит и М а р к.

Как получилось... Знаете, у нас в палате младший лейтенант из Пскова лежал, все жену разыскивал, во все концы письма писал, а она, оказывается, на четвертом этаже няней работала в нашем же госпитале... А один рассказывал...

В е р о н и к а. Володя, он ничего не сказал перед...

В о л о д я. Нет. Он умер сразу...

В е р о н и к а. Его там и похоронили?

В о л о д я. Да.

В е р о н и к а. Где это?

В о л о д я. Западная окраина Смоленска, около высоты ноль шесть.

Входит Ф е д о р И в а н о в и ч, за ним И р и н а.

И р и н а. Папа, ты сейчас никуда не ходи.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Пойду, Ирина...

Распахивается дверь, вбегает запыхавшаяся А н н а М и х а й л о в н а. Бросается к Володе.

А н н а М и х а й л о в н а. Вовочка!.. Вовулька мой!.. Федор Иванович, Ирина!.. Товарищи! Радость-то какая! Какая радость!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

*Комната Бороздиных в Москве. Несколько секунд комната пуста, затем с шумом и гамом, распахнув двери, входят Федор Иванович, Варвара Капитоновна, Вероника, Анна Михайловна, Марк, Ирина, Аносова, Зайцев, Володя. Сначала все говорят одновременно, расставляя внесенные вещи: чемоданы, тюки, разкзак, ящички, которые вносятся из прихожей. Постепенно комната заполняется вещами, которые будут потом разносить по всей квартире.
Реплики, которые мы слышим.*

Аносова. Что же я Василия-то с Константином не позову, они помогут. *(Ушла.)*
Ирина. Милая наша московская квартира, до чего же ты облезлая!
Федор Иванович. Кости целы – мясо нарастет! А Москва, как раньше, кипит, ругается! В трамвае-то как стиснули, а? Я чуть не задохнулся от радости.
Анна Михайловна. От радости?
Федор Иванович. Еще бы! Так же меня и до войны в них тискали! Попригляжусь, порадуюсь, а потом сам тискать начну.
Варвара Капитоновна. Вы ее салютов не видели, завтра будет.
Анна Михайловна. Почему вы думаете – завтра?
Варвара Капитоновна. По моим подсчетам – завтра...
Федор Иванович. Главнокомандующий! *(Уходит.)*
Ирина. А где аптечка?
Вероника *(внося один из ящичков)*. Вот твоя аптечка! *(Сверток раскрывается. Из него падает и проливается пузырек.)* Ой, Ирина, сейчас меня убьет!
Варвара Капитоновна. За что?
Ирина. Так и быть, прощаю, но вообще привыкай к порядку.
Варвара Капитоновна. Анна Михайловна, помогите мне. *(Уходит.)*
Зайцев *(Володе)*. Ты меня с вокзала зря увез – неудобно. Здесь... у людей свои дела... Чего толкаться потороннему-то?
Володя. Так твой поезд еще ночью пойдет – поболтаем... И не стесняйся, это, брат, мировые люди!.. А я хочу в институт поступать...
Зайцев. На какое отделение?
Володя. На электромеханическое.
Вероника. Вам всем подавай только технический.
Володя. Естественно, не медицинский же.

Входит Федор Иванович.

Тпру! В этом доме не говорят...
Вероника. Я быстро. *(Уходит.)*

Володя идет за ней.

Володя. Бестолковая, полотенце забыла. *(Ушел, взяв полотенце.)*
Федор Иванович. Мое унес.
Ирина. Ты бы сказал ему. Что она за ней по пятам ходит? Просто уж ничего вокруг себя не видит, даже смотреть неловко.
Федор Иванович. А ты, знаешь, не обращай внимания, ходит – ну и пусть ходит. Пяток не отдавит.
Ирина. Все-таки она странная.
Федор Иванович. Это естественно, Ирина... Природа, знаешь, не терпит пустоты.
Ирина. Это зависит от человеческой натуры.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Может быть, может быть...
И р и н а. Знаешь, что перед отъездом твой милый Бобров на пятиминутке заявил?
Ф е д о р И в а н о в и ч. Не знаю.
И р и н а. Вот послушай...
Ф е д о р И в а н о в и ч. Не буду слушать. Родной дом располагает меня к лени.
И р и н а. Он – назло мне, ведь он знает, что тема моей докторской...
Ф е д о р И в а н о в и ч. Полно уж... А ну-ка, взяли!

*Ф е д о р И в а н о в и ч, И р и н а и З а й ц е в уходят с вещами, приходят В а р в а -
р а К а п и т о н о в н а и А н н а М и х а й л о в н а.*

А н н а М и х а й л о в н а. Чт же вы плачете?
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Все перемешалось: и радость и горе. Увидела своих, и так его теперь недостает, так недостает!
А н н а М и х а й л о в н а. А мы в Ленинград скоро...
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Скоро не скоро, а пока у нас жить будете.
А н н а М и х а й л о в н а. Да, Володя здесь в институт держать хочет...

Слышен голос Федора Ивановича.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Как он там... когда узнал-то?
А н н а М и х а й л о в н а. Болел долго... Боялся за него... А потом встал, окреп... Только седина ударила...
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Вижу-вижу!.. Когда Марк оттуда приехал, я все его расспрашивала, да он что-то молчал... вышло там у вас с ним что?.. И сегодня, как на вокзал вас идти встречать, - нервничал... метался... Что случилось-то?
А н н а М и х а й л о в н а. Так...
В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Ну, забудется со временем, зарастет...
М а р к *(входит)*. А вы помолодели, Анна Михайловна.
А н н а М и х а й л о в н а. НАсторение другое – война на запад катится.
М а р к. Да-да... Со дня на день наши войска немецкую границу перейдут.

Входят Ф е д о р И в а н о в и ч, И р и н а, В е р о н и к а и В о л о д я.

Ф е д о р И в а н о в и ч. План захвата московской квартиры Бороздиных таков: бабушка, Анна Михаловна и Вероника атакуют спальню, Ирина с боем берет ранее оставленную собственную жилплощадь. Я и Владимир штурмуем мой кабинет. *(Володе.)* На диване у меня поместишься.
М а р к. Дядя Федя, вы забыли мою комнату. Давайте Владимира ко мне. Бориса кровать можно снова на место поставить.
Ф е д о р И в а н о в и ч. А это нейтральная площадь, как и была... Вероника, ты можешь свою скульптуру здесь расположить... Ателье вроде... Владимир, извини, как твоего прятеля зовут, которого ты сейчас на вокзале подцепил?
В о л о д я. Зайцев Иван Петрович... Это он... он меня портянки накручивать учил... Помните, я рассказывал...
Ф е д о р И в а н о в и ч *(кричит в дверь)*. Иван Петрович! Ты располагаешься там.
З а й ц е в *(входя)*. Есть.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, вперед!

Все расходятся, разнося вещи. Вероника в углу разворачивает скульптуру. Когда все ушли, она осматривает комнату, выходит на середину. Стоит и плачет, слезы текут у нее по лицу.

Незаметно вошел В о л о д я. Вероника его увидела и не скрывает своих чувств.

В е р о н и к а. Пианино и раньше здесь стояло... Помню, один раз мы пришли с ним из кино... *(Замолчала.)*

В о л о д я. Завтра надо будет тебе съездить в институт, узнать о приеме.

В е р о н и к а. Боюсь, примут ли!.. Но надо работать, работать, работать!.. Я отстала на тысячелетие.

Входит М а р к.

М а р к *(Вероника)*. Ты опять возвращаешься к любимому делу? Видишь, я говорил...

В е р о н и к а. Неужели ты не понимаешь, Марк, что дядя Федя не очет, чтобы ты жил вместе с ним, в одной квартире?

М а р к. Он мне этого не говорил!

В е р о н и к а. А ты не догадываешься?

М а р к *(Володе)*. Уйди на минуту, пожалуйста. Мне с Вероникой надо поговорить.

В о л о д я *(Веронике)*. Уйти?

В е р о н и к а. Как хочешь.

В о л о д я. Я останусь.

М а р к *(Веронике)*. Ты стала очень взрослой, Вероника... Я люблю тебя... Если ты крупный человек, а всякий художник должен быть крупным человеком, ты обязана понять меня, понять, что я старался стать выше повседневности, обыденности и шаблона... Когда ты поступишь учиться и с головой уйдешь в искусство, ты поймешь, что, кроме него, ничего нет в мире... И оно требует всего человека целиком, запрещает ему служить любой иной великой цели, так как служить двум великим целям нельзя... Ты поймешь...

В е р о н и к а. Твоя ложь удивительно похожа на правду... Но все гораздо проще, Марк, - я не люблю тебя... Я никогда не любила... Мне было восемнадцать лет, и у меня все перепуталось в голове... Ты меня извини, но я презираю тебя... Неужели ты думаешь, что Борис, который любил науку не меньше, чем ты музыку, даже больше – да-да-да, больш, - изменил ей, когда ушел на войну?..

М а р к. Борис это сделал легко, он не поднялся, выше, поэтому он никогда не стал бы большим ученым...

В е р о н и к а. Стал бы, стал бы. Стал!

В о л о д я. Он уже был большой человек – это еще важнее. В отличие...

М а р к. Пожалуйста, не веди себя как инвалид Отечественной войны на базаре... Твои интересы мне видны вполне отчетливо...

В о л о д я. На что ты намекаешь?

В е р о н и к а. На меня, Володя.

В о л о д я. Вот что, гений, тебе надо бы жить тише, осторожнее.

М а р к. Не размахивай своей култышкой, петушок. Не бренчи медалью – это ведь из-за тебя Бориса убили.

В о л о д я *(опешив)*. Что?!!

М а р к. Фак есть факт. Это тебе надо жить потихоньку.

В о л о д я. ДО чего нелепое положение! Ты знаешь, на фронте проще: враг перед глазами, ясно, что с ним делать. А вот здесь ты стоишь передо мной, а что я могу? Тебя же убить надо, гад! Понимаешь, убить! Убить, а нельзя.

Входит А н н а М и х а й л о в н а.

А н н а М и х а й л о в н а. Вы, никак, ссоритесь?

В е р о н и к а. Нет, так... разговариваем...

А н н а М и х а й л о в н а. Ну, у молодежи всегда есть о чем поговорить.

М а р к. Ну что ж, оставайтесь в плену ваших ординарных суждений...

Вероника и Марк уходят в разные стороны.

А н н а М и х а й л о в н а (*Володе*). Вот ты скоро у нас и студентом станешь. Мы с отцом давно мечтали об этом.

В л о д я. Я не буду студентом, мама!

А н н а М и х а й л о в н а. А как же?

В о л о д я. Завтра я пойду в военкомат и попрошу, чтобы меня снова взяли на фронт.

А н н а М и х а й л о в н а. Что ты, мальчик мой...

В о л о д я. И не возражай.

А н н а М и х а й л о в н а. Ты ни о ком не думаешь, кроме себя.

В о л о д я. Думаю. Без этого мне, может быть, и жить нельзя.

А н н а М и х а й л о в н а. Да тебя и не возьмут, Володя.

В о л о д я. Возьмут, еще как! Я здоров, совершенно здоров.

Входит Федор Иванович.

Федор Иванович, меня могут взять снова в армию? Могут? А? Я здорово?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Абсолютно! Хоть сейчас! По первой статье пойдешь!

В о л о д я (*матери*). Видала! (*Ушел.*)

А н н а М и х а й л о в н а. Господи, хоть бы война сегодня кончилась...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не волнуйтесь, Анна Михайловна, ему еще года два силы набирать... Не возьмут... Это я так сказал – вижу, вожжа ему под хвост попала... Что вы плачете, Анна Михайловна?

А н н а М и х а й л о в н а. Сама не знаю.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а (*проходя*). Анна Михайловна, посмотрите, может быть, газ опять работать начал, поставьте кастрюли.

Обе уходят. Вошла Ирина.

И р и н а. Фонарики зажгли. Слабо горят, фонарики-сударики. (*Отцу.*) Ты что, устал?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Слегка. Ну что ж, наша москоавская квартира приобретает совсем довоенный вид. Все как было...

И р и н а.

«Все как было. Только странная

Воцарилась тишина,

И в окне твоём – туманная

Только улица страшна».

Входит Вероника.

Может быть, за стол сядем? Отец давно есть хочет, да терпит.

В е р о н и к а. А ты?

И р и н а. Ну, я тоже хочу.

В е р о н и к а. Так бы и говорила... Нечего на отца сваливать!

И р и н а (*зовет*). Бабушка!

Входят Варвара Капитоновна и Анна Михайловна.

Сядем мы за стол или нет?

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Странно, Ирина, как будто задержка из-за нас.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Все в сборе, ну, садись. Ируша, в шкафчике...

Ирина. ...на заветной полочке... Уже успел?
Федор Иванович. Угу.

Ирина выходит и быстро возвращается.

Наконец-то я на свое место сел. Мама, займите ваше парадное кресло. Время и на нем оставлю свои следы. Анна Михайловна, сюда. Ирина, твой стул давно пора бы на чердак выбросить, но, откровенно говоря, мне этого не хочется.

Ирина. Я, кажется, тебя не подведу.

Федор Иванович. Ты, Вероника, часто здесь сиживала, тут и останешься.

Все рассаживаются.

Варвара Капитоновна. Маркуша, иди ужинать!

Федор Иванович. А где Володя? Его на это место посадим...

Входят Аносова с сыновьями и Марк.

Аносова. Вот они! Константин-то видели какой? А?.. А Василий?!

Василий. Мать, ты нас, как циркачей каких, демонстрируешь... На дню по десять раз. Мы уж устали...

Аносова. И буду!.. Poiщи таких, как вы! *(Показывает на ордена, что на груди у ребят.)* Это – за взятие Ростова, правильно? Это – за то, что боеприпасы вез под таким огнем-огнищем! Правильно? Это – за... Как деревня-то называется?

Константин. Ну, Семеновское... Мам...

Аносова. Правильно! Это – особый – командира спасал под Белой Церковью...

Василий. Мать, отпусти...

Аносова. А это – «За отвагу». А отвага была вот в чем...

Константин. Отпусти!

Во время этого разговора вошли Володя и Зайцев.

Зайцев. Слушай, ты под Белой Церковью у кого служил? Не у Дегтярева, часом?

Василий. А ты что, Дегтярева знаешь?

Зайцев. Дегтярева-то? Ого! Да ты знаешь, как он ко мне относился...

Василий. Дегтярев?

Зайцев. Дегтярев!

Василий. Даты не того... не заливаешь?

Зайцев. Я заливаю?

Василий. Ты...

Зайцев. Лучше скажи, откуда ты его знаешь?

Василий. Я?

Зайцев. Ты.

Федор Иванович. Тихо, тихо, генералы! Отложите воспоминания на мгновение, нам еще их на всех хватит, а пока... за стол! Аграфена Иванована, Иван Петрович, Костя, Василий, - прошу!

Зайцев достает паек.

Константин. Я – за нашим паем! *(Пытается уйти, его не пускают.)*

Федор Иванович. Вот она, святая минута, - все вместе, друзья!

Звонок в дверь.

Нет, все-таки кого-то чертушка принес! Войдите!

Входит Люба.

Люба. Здравствуйте. Не узнаете меня? Я – Люба. Помните?

Федор Иванович кивает головой.

Только я теперь Кузьмина. Муж мой – Кузьмин Анатолий Александрович, мы поженились в ноябре сорок первого года, он тоже работал вместе с Борисом Федоровичем... Мы всё знаем, всё знаем! Анатолий мне о нем столько рассказывал... Так вот, перед самым отъездом на фронт мой муж взял у Бориса Федоровича тетради и чертежи – у них была совместная работа.

Федор Иванович. Помним-помним...

Люба. Теперь эта работа далеко продвинулась вперед, ею занимается целая лаборатория – дело, конечно, не так скоро, сами понимаете – война!.. Да, я сбилась... Вот в решении одного вопроса у Бориса Федоровича, как говорил муж, была удивительная догадка... Этой тетради не оказалось тогда... Если бы вас не затруднило...

Федор Иванович. Батюшки, да ведь три года прошло!

Варвара Капитоновна. Все тетради Бориса я сохранила – они у меня.

Люба. Я не так давно вернулась из эвакуации, из Ташкента...

Федор Иванович. А ваш муж, товарищ Кузьмин? Что же он не зашел?

Люба *(удивлена, что не знают)*. Анатолий в ноябре сорок первого года ушел в армию, он сейчас в Западной Белоруссии... Чудак, пишет, что «...поверь, я еще буду штурмовать Берлин...» *(Смеется.)* Это он-то... Берлин! Он же мышей бится... *(Смеется.)* Извините... Я так волнуюсь за него...

Зайцев. Нас теперь не остановишь...

Марк. Да, войну мы явно выигрываем, а после войны наше государство развернется!

Зайцев. Сестра пишет – от деревни одни головешки остались.

Федор Иванович. Ладно-ладно, войны. А сейчас – за стол! Мы-то, Бороздины, сегодня в Москве первый день.

Во время этого разговора Марк встает и идет к выходу. Никто не замечает, кроме бабушки.

Варвара Капитоновна. Маркуша, ты куда?

Марк. Вы извините. Пойду... дела... Желаю успеха! *(Уходит.)*

Федор Иванович. Выпьем молча за тех, кто молчит, сказав свое слово.

Залп. Салют.

Володя. Салют.

Варвара Капитоновна. Объявился, голубчик, раньше времени!

Ирина. Интеерсно, что взяли? У соседей узнаю. *(Выбегает.)*

Варвара Капитоновна. Из двухсот двадцати четырех орудий – сразу слышно.

Вбегает Ирина.

Федор Иванович. Ну, что взяли?

Ирина. Наши войска с боями прешли границу Германии.

Анна Михайловна. Пойдемте на улицу, посмотрим.

Все уходят. Остаются Володя и Вероника.

В е р о н и к а. Ты помни то место, Володя.
В о л о д я. Западная окраина Смоленска.
В е р о н и к а. Кончится война, и я поеду туда.

Пауза.

Слушай, Володя, я хочу поговорить с тобой серьезно.
В о л о д я. Что?
В е р о н и к а. Ты не жди от меня ответа.
В о л о д я. Я же тебя ни о чем не спрашиваю.
В е р о н и к а. Спрашиваешь. Все время.
В о л о д я. А ты не отвечай, я же не прошу. Ждал и буду ждать.
В е р о н и к а. Ты и представить себе не можешь, кем был для меня Борис. Нет, не был, а есть. Ночью, когда все спят, я разговариваю с ним, и он всегда дает мне ответы. Черты его лица уходят из памяти... и это не беда. Я люблю его, Володя! И жизнь свою хочу прожить хорошо! Я сейчас все время спрашиваю себя: зачем я живу? Зачем живем мы все, кому он и другие отдали своим недожитые жизни? И как мы будем жить?..

З а н а в е с

1943